

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

Рѣка Илекъ, въ Зауральской степи,
1839 г. Ноября 25-го.

Не ждали вы отъ меня письма, и всего менѣе, можетъ, думали вечеромъ 25-го Ноября, что я сижу почти на открытомъ воздухѣ, въ кошомной кибиткѣ, при маленькомъ огонькѣ, въ кругу шести добрыхъ товарищѣй, на морозѣ, и пишу къ вамъ. Мы вышли въ походъ, идемъ войной и грозою на Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку, какъ названа она была въ приказѣ по корпусу. Путь далекъ, 1500 верстъ, идемъ зimoю, и третьяго дня было 29^{∞} морозу; весь отрядъ верхомъ, весь на коняхъ, выюки на верблюдахъ, ихъ до 12 тысячъ. Метемъ бураномъ по степямъ и въ Генварѣ должны быть на мѣстѣ. А когда воротитесь, спросите вы, по сродному вамъ добродушію и состраданію? — Знаемъ, когда вышли, а именно 17 Ноября, а

воротившиесь скажемъ вамъ, когда воротились. Холоду мы не боимся; говоримъ это не изъ хвастовства, а по опыту; взгляните только на нась, и вы убѣдитесь, что мы не хвастаемъ. Стеганные, на верблюжей шерсти, куртки и архалуки, платье разнаго рода на лебяжьемъ пуху, верхнее платье изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, или оленыи, сибирскіе совикц, киргизскіе дахи и ергаки; рукавицы и чулки козьяго пуху, изъ коего порядочные люди ткуть столь извѣстныя вамъ кашемирскія шали, — словомъ, все запасено, припасено, и несчастные стужа, холодъ, морозъ, словомъ, вся зима, не знаетъ, съ котораго краю приступиться. Не удивляйтесь этимъ кривымъ строкамъ: сердце пишеть прямо, но морозъ—снѣговичъ береть свое, шаршавить по своему, а онъ у нась, какъ видите, толмачемъ. Сидимъ на корточкахъ, въ теплыхъ кофточкахъ и совикахъ; писать не совсѣмъ ловко. Нужды нѣть: когда нибудь на досугѣ разберете. Вы скажете: Ахъ, Боже мой, какія страсти! за 1500 верстъ, верхомъ, зимой — и прочее, и

прочее. Ну, изволите видѣть, сїромъ въ маслѣ мы конечно не катаемся, равнымъ образомъ не лзя чтобы не было въ такомъ огромномъ отрядѣ безъ разныхъ беспорядковъ, недостатка, нужды — ну придемъ домой и отдохнемъ, будемъ рассказывать ребятишкамъ своимъ и добрымъ пріятелямъ о похожденіяхъ своихъ и примѣчаніяхъ. Начинаютъ сей часъ разливать чай, а у насъ сегодня дневка — позвольте мнѣ сперва налиться водой, какъ говорять моряки, а потомъ стану продолжать.

Пепель отъ пылающего костра завалиль до того писаніе мое, что у меня едва достало духу (т. е. Uthem) отдуться отъ этой неумѣстной присыпки. Зорю пробили, все углеглось, потому что все устало, только часовые перекликаются вокругъ нашего стана, и верблюды изрѣдка протяжно рычатъ. Опишу вамъ, отъ нечего дѣлать, артель нашу, нашъ кошъ, какъ его технически называютъ. Насъ въ одной кибиткѣ, по четыре шага во всѣ четыре стороны (размѣръ вѣренъ, но кибитка

кругла) нась лежить, на одномъ и томъ же войлокѣ, семь человѣкъ. Быль осмой, академистъ Штернбергъ, художникъ душой и тѣломъ, милый малый, о которомъ мы всѣ очень жалѣемъ — но онъ, присоединившись къ нашему походу волонтеромъ, побыль съ нами только три дня, и, раздумавъ дѣло еще въ время, воротился. Онъ Ѳдетъ въ Питеръ и потомъ—вѣроятно въ Италію, гдѣ, говорять, нѣсколько теплѣе... Позвольте отогрѣть пальцы на огнѣ... Первый товарищъ нашъ и сожитель Чихачевъ, путешественникъ по званію и призванію, ein Reinfener von Brofeffion молодецъ, красавецъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ какъ на своеемъ, бываль въ Германіи и въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Мексикѣ, но не бываль еще въ Хивѣ и потому отправляется туда съ нами при сей вѣрной оказіи. Онъ говоритъ и распѣваетъ весь день Персидскіе стихи и прозу съ муллой нашимъ и съ переводчикомъ и этимъ бѣсить втораго нашего товарища, естествоиспытателя Лемана. Докторъ Мобицъ, который только по временамъ пытается войти въ число

избранныхъ и пріютиться въ братскомъ и веселомъ теремѣ нашемъ, докторъ обыкновенно береть опять подъ мышку одинокую постель свою, состоящую изъ одной плохой кошомки или войлока, и отправляется въ одинокую кибитченку, гдѣ аптечная ступка съ пестикомъ обязаны принять на себя временно должность его товарища. Какъ быть, дѣло походное! Послѣдній товарищъ нашъ такой же чиновникъ какъ и я, съ тѣмъ только различіемъ, что у него совикъ (Самоѣдская оленья рубаха) изъ стараго, лѣтняго оленя, а у меня изъ лучшаго зимняго молодаго сосунка, и еще подбить лисой! Не повѣрите, что за раздолѣе такой кафтань, или салопъ, чтль ваши печи... Позвольте только правую руку отогрѣть, на лѣвой славная рукавица... Вотъ такъ... Пепель этотъ мнѣ очень надоѣдаетъ... Вообразите теперь палаточку, въ которой съ трудомъ только помѣщаются три человѣка, посадите туда или натолкайте ее биткомъ семью человѣками, живыми, вотъ какъ мы съ вами, одѣньте эти семь человѣкъ самымъ

причудливымъ образомъ, Лапландцами, Самоѣдами, Алеутами, Киргизами, полу–Черкесами, полу–Калмыками, полу–Башкирами, полу–все что угодно, право всякаго роду и наряду найдется въ одеждѣ нашей по клочку... — вообразите все это, и вы видѣте насъ. Прислушайтесь, и вы услышите Англійский, Испанскій, Нѣмецкій и Французскій языки, Малоросійскія, Персидскія и Русскія пѣсни, Татарскій говоръ, а подлѣ, въ двухъ шагахъ, рычатъ скучные и жалкіе верблюды. Загляните, и вы увидите на рѣшеткѣ кибитки Черкесскую шашку, Испанскій, Толеданскій палашъ, казачью саблю, Персидскій, Индѣйскій, Турецкій кинжалъ: увидите сотню предметовъ скомканыхъ какъ въ мѣшкѣ, которымъ, для васъ, нѣть названья, потому что вы ихъ не видывали и не знаете, хотя мы здѣсь не можемъ безъ нихъ обойтись. Положимъ, вы поймете, если я скажу, что тутъ стоитъ котелокъ, таганъ, баклашка, но что вамъ въ томъ, если я скажу, что тутъ навалены

торсуки, сабЦ, треноги, курджуны⁽¹⁾, и проч.? А между тѣмъ это наше хозяйство.... Позвольте мнѣ теперь повернуться на другой бокъ: у меня спереди Покровъ, а сзади Рождество, т. е. тутъ огонь, а тамъ морозъ... Хотите ли теперь взглянуть среди дня на караванъ нашъ? Вообразите снѣжную степь, по которой видимо—не видимо, сколько глазъ займетъ во всѣ стороны, все верблюды съ огромными выюками, гора горой, все выюки и верблюды, а по сторонамъ прикрытие: казаки, артиллерія и пѣхота... На этомъ словѣ вчера остановился. Сегодня, 26—е, въ воскресенье опять дневка; мы сошлись тутъ, всѣ четыре отряда вмѣстѣ, и теперь пойдемъ въ полномъ составѣ, дружно и густо, чтобы никто не могъ обидѣть, чтобы быть сильнѣе всякой силы кромѣ Божьей, на которую душой и сердцемъ уповаляемъ. Онъ выведетъ насъ отсель черезъ 7, 8 мѣсяцевъ, или скорѣе, коли Ему угодно, и мы заживемъ опять новою

⁽¹⁾ Переметна я сума .

жизнью, вдвое оцѣнимъ домашній быть и
домашнее благо свое.

II.

5 Декабря 1839. Биштамакъ.

Сегодня 6 Дек., большой и благодатный
праздникъ: мы справляемъ его на
Биштамакъ, верстахъ въ 270 отъ Оренбурга;
слѣдов. шестую долю пути своего кончили,
прошли, и прошли благополучно. Скажу
вамъ, милые мои, съ тѣмъ чтобъ это
осталось между нами, что у насъ нынѣ
 $31\frac{1}{2}$ градусовъ, и что порядочный
морозецъ, какъ говорять Уральцы,
прохватываеть ровно огнемъ. Впрочемъ, по
совѣсти, мы еще ни разу не зябли, и въ
цѣломъ отрядѣ нѣть ни одного человѣка съ
ознобами, за исключеніемъ одного старика
Киргиза. Больныхъ, коихъ болѣзнь можно
бы приписать походу, также нѣть;
простудныя и другія случайныя болѣзни и
нѣсколько вновь открывшихся
хроническихъ. Сижу и пишу теперь въ
кибиткѣ, въ общей нашей такъ называемой
каютъ-компаніи, и пишу при 30^{∞}

слишкомъ морозу, безъ перчатокъ, и руки ничуть не зябнутъ: у нась желѣзная печь. Путемъ доселѣ всегда было сѣно и дрова. Сѣно покупали у Кайсаковъ, которые по Илеку удивительно много накосили сѣна; дрова мѣстами тальникъ и другой кустарникъ, а въ помошь ему и кизечекъ, коими нась также иногда снабжали аулы. Впрочемъ, въ такую бѣду, какъ сегодня, горить все, даже свѣжій навозъ изъ подъ верблюдовъ; этому въ городѣ трудно повѣрить. Посадиль бы я еще прихотливаго жителя городскаго въ нашу кибитку, такого, которому дуетъ и несетъ изо всякаго угла и окна, и прихоти бы исчезли. Спасительное дѣло для нась, что В. А.(²) завель на свой счетъ общественную трапезу и большую кибитку, въ которой всегда огонекъ: безъ этого мы бы замерзали каждый по одиночкѣ въ своеемъ углу, потому что невозможно на каждого отдельно запастись дровами, и нельзя было бы даже ставить для каждого по одиночкѣ чай. Кайсаки въ походахъ и поѣздкахъ своихъ всегда

(²) Эти буквы (зѣсь и вѣздѣ нижѣ) означають (гр.) В. А. Перовска го.

раздѣваются на ночь до нага: они увѣряютъ, что это гораздо теплѣе, если только хорошо завернуться и укрыться. Я доселѣ, въ продолженіи 19-ти ночей, только два раза не раздѣвался; я нахожу, что дѣйствительно раздѣвшиесь гораздо теплѣе, и сегодня напр., при этой стужѣ, я спалъ въ мѣшкѣ своеемъ, накрывшиесь тулупомъ и кошмой, какъ у Бога за пазухой. Конечно тамъ, гдѣ по ночамъ могутъ быть внезапныя тревоги, это не удобно: тамъ раздѣваться нельзя. Признаюсь, я никогда не думалъ, что, одѣвшись хорошо, можно до такой степени хорошо переносить такую стужу; я, увѣряю васъ, не зябъ еще ни разу. Ночью въ юлламѣ (кибиткѣ нашей) никогда не горитъ огонь, а шесть человѣкъ грѣютъ другъ друга прекрасно. Вотъ вамъ цѣлая страница о холодѣ, о морозѣ, о теплѣ, обѣ огнѣ и прочее. Поговоримъ о другой, не менѣе важной, статьѣ: это обѣдъ, чай и проч. Мы выступаемъ каждый день съ разсвѣтомъ, иногда немножко прежде; становимся въ 2 часа, потому что дни коротки, а скотинѣ,

и въ особенности верблюдамъ, которые ночью не ъдятъ, надо покушать. Такимъ образомъ, прошедши 15–25 верстъ, распускаемъ верблюдовъ и лошадей на тебеневку; верблюды наѣдаются въ 1 1/2, 2 часа, потомъ ихъ пригоняютъ и укладываютъ на кошмы, расчистивъ напередъ снѣгъ; кони остаются на всю ночь въ полѣ: лошадь не жуетъ жвачки и потому не можетъ наѣдаться въ такое короткое время. Между тѣмъ, какъ только пришли мы на мѣсто, раскидываютъ живо двѣ кибитки, генеральскую и вертепъ, какъ мы его называемъ, кають–компанію, или общественную: ставятъ самоваръ, наливаютъ чай и завариваютъ сбитень; мы грѣемся и пьемъ, между тѣмъ, часамъ къ семи или восьми, поспѣваетъ обѣдъ: щи, супъ и другое блюдо — каша, или капуста, селянка, баранина, говядина, а иногда, какъ вчера и третьяго дня, жеребятинка, которая, мимоходомъ сказать, очень хороша, какъ самая лучшая, кормленная мягкая говядина. Пообѣдавши принимаемся опять за чай да за сбитень; у кого есть

дѣло, бѣгасть, хлопочеть по отряду и прибѣжавши въ сборную нашу похлопываеть рукавицами и кричить: чаю, сбитню! Часовъ въ 8, а много въ 9, все залегло уже спать. Встаютъ въ 3 часа: весь лагерь просыпается, начинается крикъ, шумъ, бѣготня, кони ржутъ, верблюды рычатъ; это бываетъ вслѣдъ за генеральмаршемъ, въ 3 часа; въ 6 барабанъ бьетъ сборъ, выoucher, сымаютъ кибитки и выходятъ, напившись разумѣется чаю, и нахлебавшись жиdenькой кашицы. Такъ тянемъ мы день за день, время уходитъ, — и скоро, скоро пролетять не только эти полгода, но и много другихъ полугодовъ и годовъ....

Надобно вамъ однако же разсказать плачевную и непріятную продѣлку: на дняхъ у насъ одного солдата разстрѣляли. Какъ быть! онъ ушелъ съ часовъ, покинувъ ружье, потомъ бѣжалъ, укралъ другое ружье, и пр. Время военное, опасное, пѣхота чрезмѣрно избалована, необходимо было показать примѣръ, для острастки. Къ счастію, такъ по крайней мѣрѣ я сужу по

своимъ чувствамъ, казненный бѣднякъ былъ до того глупъ и тупъ, что по видимому вся ужасная церемонія эта, причащеніе и отпѣваніе за–живо, не сдѣлали на него никакого впечатлѣнія; — а смерть всякая одинакова, и скорая смерть лучше медленной и томительной. Во всякомъ случаѣ не льзя было не наказать виноватаго тѣлесно, и такъ, что онъ бы можетъ быть на всегда быть калѣкою, а можетъ быть и умеръ бы; по этому — спокойной ему ночи и благодатнаго утра!

Маркитанть нашъ, Зайчиковъ, или Деевъ взяль съ собою пару добрыхъ собакъ, и мы уже затравили шесть лисицъ и волка. Для перемѣны и это забава. Леманъ очень прилежно ловить мышей. Ханыковъ спить отлично хорошо и занять постоянное мѣсто въ кають–компаніи противъ печки; одѣтъ онъ въ огромный, мохнатый совикъ свой и лѣтнюю легонькую шапочку на кожѣ: онъ не можетъ одѣвать тепло голову. Я постоянно одѣваюсь въ стеганную куртку и шаровары, или въ лебяжью, а сверху совикъ Штернберга и шапку, столь

извѣстную, изъ бѣляка (тюленя), которая, помните? — надѣвается отъ маковки и по самыя плеча. Говоря о болѣзняхъ, забыль я упомянуть, что у насъ было уже человѣкъ шесть больныхъ Сибирской язвой, не смотря на морозъ; человѣка два умерли. Страшная, непонятная болѣзнь, и странно, что она открылась теперь, въ такую жестокую стужу! Всѣ тѣ, которые пришли во время и можно было хорошо вырѣзать язву, остались живы.

Сей часъ всѣ пошли на молебствіе, 10 часовъ утра, а я остался, потому что надоѣло еще написать кой какія бумаги... Сижу въ теплой кибиткѣ В. А., гдѣ стоить большая кухонная печь, и сижу тепло: въ кибиткѣ этой теперь на полу 15° , на столѣ 4° , а на вышину головы 22° . В. А. теперь здоровъ; у него было разболѣлись глаза, и признаюсь, я за него боялся: какая возможность пользоваться ихъ при такихъ обстоятельствахъ? Теперь, отъ стужи внѣ и жару внутри кибитки, у него высыпало и обметало лицо, и вслѣдъ за тѣмъ глазамъ стало гораздо легче. Было у насъ

нѣсколько человѣкъ больныхъ жабою, *angina tonsilaris*, но омеопатія, пріемъ белладоны, устранила болѣзнь каждый разъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сегодня у насъ походный обѣдъ великолѣпный — четыре кушанья, шампанское и проч. Между тѣмъ все таки обѣдаемъ, какъ и прежде, стоя и пльходя, въ деревянныхъ чашкахъ, кто гдѣ и какъ умудрится. Къ вечеру будетъ обильная либація и пуншація, по русски: благородная по

пропуск 411, 412, 413, 415 редавай! Въ одну минуту весь лагерь оглашается именемъ того, кого ищутъ, съ прибавленіемъ къ кому — и всякого легко отыскать. Больныхъ у насъ многонько; все лихорадки и горячки, 3 — 4 озноба, не значительныхъ впрочемъ; поносы, нѣсколько возобновившихся хроническихъ болѣзней. Старикъ Молостровъ захворалъ, говорять, что худо переносить сильную стужу; у В. А. глаза совсѣмъ поправились, слава Богу. Изъ насъ нѣть ни одного больнаго, только Иванинъ захворалъ, потому что хотѣлъ непремѣнно поставить на

своемъ и вытерпѣть весь походъ въ одномъ тепломъ сюртукѣ и холодной шинели верблюжьяго сукна; я его много уговариваль, но онъ увѣряль, что ему тепло. Дѣлаютъ чай: еслибъ вы увидѣли этотъ сбродъ пестрыхъ, цвѣтныхъ, полосатыхъ, одноцвѣтныхъ и всякаго калибра халаты, куртки, шпенсеры, сертуки, черкески, казакины, чекмени и чекменьки, увѣряю васъ, что это стоить кисти Штернберга, особенно если бы онъ не упустилъ разнообразные шапки, кушаки, пояса, платки, шали, косынки и пр. «Осель въ квадратѣ» воскликаетъ въ эту минуту Ханыковъ «что я не взяль съ собою перины!» Надо вамъ сказать, что ему Курумбай стелеть каждый день семь ковровъ, семнадцать кошмъ и полстей, подушки, тулупы, шубы, но ему, Сарданапальской душѣ, всего этого мало! Онъ и теперь, какъ обыкновенно, занимаетъ мѣсто предсѣдателя передъ топкой желѣзной печки и курить изъ черешневаго чубука своего талежникъ въ оглоблю. Да, у Волженцова, молодаго

казака, который взять нами для съемки шкуръ и проч., у него сѣла на подбородокъ Сибирская язва; вырѣзали, присыпали во время, и все прошло благополучно; онъ здоровъ. Добрый ночи.

21-го Дек. на Эмбѣ, въ укрѣпленіи нашемъ Аты—Якши, что значить по Русски: доброе имя. Ура! 500 вер. прошли; не успѣемъ оглянуться какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту — и пришли. Зима жестокая; 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если только нѣть вѣтру. Только два дня было у насъ 10° и въ полдень еще меньше, теперь снова наладилъ морозъ—снѣговичъ 16, 18, 20, 25. Благодаря Бога, все удивительно благополучно, всего не болѣе человѣкъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что по всей вѣроятности она еще будетъ цѣла. Вы заботитесь обо мнѣ: говоря по совѣсти, положивъ руку на сердце, я со времени выхода изъ Оренбурга не зябъ, не только не подвергался опасности отморозить руку

или ногу. Многіе познобили себѣ носы, щеки, это правда, и у многихъ наростаетъ на лицѣ другая и третія шкура; но я невредимъ доселъ и приписываю это осторожности своей. Многіе чрезвычайно легко одѣты; увѣряють, что теплѣе одѣваться тяжело и пр. Я совсѣмъ съ этимъ не согласенъ; я одѣть очень тепло и притомъ легко сажусь на лошадь, двигаю руки и ноги безъ затрудненія. Не заботьтесь также объ утратѣ знаменитаго совика моего, которому нѣть подобнаго во всей поднебесной, или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отрядѣ. Совикъ Штернберга также довольно одолжителенъ, и лебяжья куртка, которую я еще покрылъ верблюжьимъ сукномъ и не спускаю съ плечь, грѣть какъ печь. Вы все хотите подробностей, велите избѣгать общихъ мѣстъ и замѣчаній! Вотъ они вамъ, не скучайте, сами на нихъ напросились. Ханыковъ, получивъ имя Сарданапаль-пashi, съ минуты прибытія нашего на Эмбу, переселился въ укрѣпленіе къ астроному Васильеву, и мы его больше не видимъ. Сегодня несчастный Курумбай

его потащилъ туда на плечахъ своихъ семисаженную кошму, ковры, подушки и всю спальню сбрую. Верблюдовъ угнали верстъ за 10 на тебеневку; поэтому Курумбай долженъ быль взять на себя ихъ обязанность, а постель Ханыкова право составляеть хороший вьюкъ. Васильевъ опредѣлилъ широту и долготу Аты-якши: 3 1/2 градуса южнѣе Оренбурга и 2 1/20 восточнѣе. Это стало быть широта винограда, кипариса и почти даже винныхъ ягодъ и оливки, — а у насъ снѣгъ завалилъ все, буранъ свищетъ, и трескучій морозъ погоняетъ рьяныхъ коней, коней своихъ во всю Ивановскую и собрался, кажется, гнать насъ до самаго нельзя. Боялись, что мало будетъ снѣгу: что впередъ Богъ дастъ, а именно на Усть-уртѣ и здѣсь небесной манны этой въ волю. Она насъ питаетъ: уже много разъ ночевали мы безъ воды. Далѣе: Леманъ усердно распарываетъ мышей и въ Самоѣдской ермолкѣ своей много походитъ на папу Пія VII-го. Чихачевъ, какъ попечитель больницы, много хлопочеть и до того заботится о лошадяхъ своихъ, что

идеть всегда 3/4 перехода пѣшкомъ и не спить ночь, навѣдываясь по часту, хорошо ли ихъ кормятъ. Теперь мы опять у сѣна, а нѣсколько дней кони голодали и отрывали бѣдный кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ. Сегодня считали и пересчитывали всѣхъ верблюдовъ, осматривали, много ли плохихъ, негодныхъ вовсе и хорошихъ: почти пятая часть оказываются негодными и должны быть выписаны въ инвалиды. Это досадно: подновить ихъ нечѣмъ! Далѣе: Мулла будетъ скоро разстриженъ, поступаетъ въ войско, съ чиномъ урядника и черезъ два—три дня произведенъ будетъ въ хорунжаго: честолюбіе морозить и убиваетъ нась, а дивизіонъ 1—го казачьяго полка портить кровь, взвариваетъ желчь и заставляетъ говорить печенкой вмѣсто легкаго. Мулла ретивый и честный, надежный парень. Смѣшишь онъ нась, когда завернувшись вечеромъ въ огромную кошму свою, занимаетъ мѣсто за троихъ, и если кто начинаетъ ссориться съ нимъ и требовать, чтобы онъ легъ поубористѣе, поумѣстительнѣе, то кряхтить, стонеть и

притворяется больнымъ. За это ему столько достается, что онъ увѣряеть и божится, что дѣлаеть это во снѣ и самъ того не помнить. Мы впрочемъ раздѣлились на двѣ юлламы: шестерымъ тѣсно, нельзя разводить огня. Теперь мы стоимъ въ одной три, въ другой четыре человѣка, лежимъ просторно и разводимъ огонекъ. При томъ нѣкоторые изъ сотоварищѣй нашихъ негодовали на беззаботность другихъ, которые отнюдь не хотятъ похлопотать даже за себя и предоставляютъ это занятіе любителямъ. Мулла, Ивановъ, Чихачевъ и я въ одной юлламѣ, а въ двухъ шагахъ отъ насъ Леманъ, Ханыковъ и корнетъ Шоттъ, ординарецъ В. А. Впрочемъ артель наша не раздѣлилась: кони, люди и верблюды остались подъ вѣденіемъ Иванова, а мулла произведенъ въ чай-баши, и разливаетъ въ кибитченкѣ нашей чай. Знаете ли, какъ хорошо посидѣть вокругъ огоњка и пить чаекъ!

Въ укрѣплениі гарнизонъ живетъ въ довольно опрятныхъ и удобныхъ землянкахъ, но воздухъ въ нихъ спертый,

нездоровыи и ничъмъ не можетъ быть исправленъ. В. А. покупаетъ у здѣшнихъ Кайсаковъ нѣсколько кибитокъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ нихъ часть больныхъ и здоровыхъ. Я также согласенъ, что въ кибиткахъ, съ огоньками, жить гораздо здоровѣе. Кайсаки всѣ кочуютъ спокойно на своихъ мѣстахъ, ничего не боятся, и доселѣ ихъ никто не тронулъ волоскомъ. Старый хрѣнъ Юсупъ Кулановъ явился съ просьбою, чтобы камышъ на зимовѣ его, верстахъ въ 8 отсюда, быль пощаженъ. Вѣроятно просьбу его исполнять, хотя для насъ это очень неудобно.

IV.

Аты-Якши, на р. Эмбѣ, 23 Декабря.

Вчера мы было уговорились съ удалымъ уральскимъ есауломъ Назаровымъ (Максимомъ) ѿхать сегодня до свѣту на кабановъ, которыхъ здѣсь въ камышахъ много. Я всталъ сегодня часа за полтора до свѣту, вышелъ съ холода на холодъ, потому что въ юлламѣ нашей также не было еще огня, — снѣгъ сильно захрустѣлъ подъ ногами, дыханіе мгновенно мерзло на

длинныхъ усахъ и на бородѣ: я не брился уже болѣе мѣсяца, со дня выступленія изъ Оренбурга. Окинувъ взглядомъ воротникъ тулупа, подъ которымъ провелъ ночь, я встрѣтилъ нѣсколько длинныхъ сосулекъ: видно холодно. Подошедши съ фонаремъ къ термометру Чихачева, висящему постоянно подъ часами, у кибитки В. А., я узналъ, что и сегодня опять 26°. Воздухъ тихъ, небо ясно, звѣзды сверкаютъ. Подумавъ хорошенько, разсудилъ, что лучше остаться дома, особенно еще послѣ бани, или лучше выразиться по польски: мовни, потому что я съ Ивановымъ вымылся вчера вечеромъ у Зайчикова въ землянкѣ. И такъ я пошелъ въ юлламу Назарова, который занимался разливкою чая, и объявилъ, что я на сегодня отщепетецъ. Ханыковъ, который, на все время нашего здѣсь пребыванія, перебрался въ укрѣпленіе къ Васильеву, снарядился однакоже и поѣхалъ на кабановъ. Онъ былъ замѣчательно уродливъ въ огромномъ, толстомъ совикѣ своеемъ, съ ружьемъ (въ чехлѣ) за плечами, особенно,

когда сердился въ это время и подбиралъ пули и патроны по калибру. Я совѣтовалъ ему дружески оставить воинственныя, предпріимчивыя затѣи свои и ѿхать просто зрителемъ, потому что кабанъ иногда не любить шутить, а испуганная выстрѣломъ и нападеніемъ кабана лошадь не рѣдко скидываетъ подобныхъ єздоковъ. Онъ однакоже пребылъ твердъ и не поколебимъ: пошли ему Господь на этотъ разъ побольше равновѣсія. Напившись чаю, вышелъ я взглянуть на восходящее солнышко, мутное, блѣдное, сонное, — и увидѣлъ вмѣсто одного солнца три. При нынѣшней стужѣ мы уже частенько видѣли эти побочные облики Аполлона, но ни разу еще обликъ не былъ такъ хороши, какъ сегодня. Рѣшительно нельзя было сказать, которое изъ трехъ видимыхъ свѣтиль настоящее солнце: можно было только догадываться, что это, какъ обыкновенно, среднее. Я забылъ сказать, что передъ самымъ восходомъ надъ солнцемъ поднялся высокій столпъ яркаго свѣта, потомъ уже явились три солнца, потомъ вскорѣ начали

тускнѣть, два изъ нихъ приняли радужные цвѣта и растянулись нѣсколько по виртикалу, края ихъ заплыли, и ярче разгорѣвшееся солнце разогнало остатки своего подобія. День ясный, тихій, почти теплый — а $26^{\circ}!!$ Въ землянкахъ укрѣпленія $8^{\circ} - 10^{\circ}$ тепла, а между тѣмъ тамъ жарко и душно: дыханіе видно, какъ въ холодной комнатѣ, а намъ, окостнѣвшимъ уже на морозѣ, жарко. Свѣтлыя искры лютятся по воздуху, переливая фіалковые, радужные цвѣта: блескъ снѣга на землѣ невыносимъ безъ наглазниковъ, и больнымъ, которыхъ въ одномъ нашемъ т. е. 4-мъ отрядѣ болѣе 70 человѣкъ, не хорошо: тутъ никакое лѣкарство не помогаетъ, коли самъ не подымешься. Болѣзни большою частію простудныя, въ укрѣпленіи напротивъ до сотни человѣкъ горячешныхъ, цынготныхъ и проч. Землянки ихъ хороши, но землянка всегда землянка: будь она опрятна и свѣтла, все она подъ землей! Вотъ почему, кажется, очень хорошо дѣлаютъ, что хотятъ вывести большую часть гарнизона въ кибитки. Вѣрьте мнѣ, въ кибиткѣ и при 30°

хорошо и тепло, быль бы только днемъ огонекъ, хоть маленький, чтобы можно погрѣться глазами и воображеніемъ, — и быль бы на ночь хороший тулупъ да кошма. И такъ, морозу мы не боимся, не шутя: пушу это при 26° , въ такое время, когда впродолженіи мѣсяца два только раза термометръ показывалъ менѣе 10° , шесть разъ болѣе 28° ми, двѣнадцать дней болѣе 20° -ти. Мы простоимъ здѣсь съ недѣлю или болѣе: можетъ статься, морозы спадуть. Это было бы желательно для нижнихъ чиновъ, которые не могутъ раскладывать бивачныхъ костровъ, а иногда съ нуждою только сварять свою кашицу. Ихъ кормятъ очень хорошо, теперь даютъ по цѣлому фунту мяса въ день. Здѣсь вблизи кочуютъ Назаровцы (Чиклинцы) и начинаютъ уже садиться на зимовье. Отрядъ нашъ проходилъ мѣстами вплоть мимо аоловъ ихъ, и къ чести отряда должно сказать, что никто не тронулъ Кайсаковъ пальцемъ, не смѣль взять волоска, или клока шерсти, не говоря уже о баранѣ. Я не думалъ, что все это обойдется и можетъ обойтись такъ

чинно. Извѣстный батырь — въ старые годы наѣздникъ и воръ — Юсупъ Кулановъ получилъ вчера хорошіе подарки, между прочимъ синій кафтанъ, двуствольное ружье и золотой перстень съ арабскою надписью. Стариkъ, лѣть 80, былъ очень доволенъ и обѣщалъ стараться о пополненіи недостающихъ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота. Для этого черезъ недѣлю будетъ у насъ туй, т. е. пиръ, на который должны собраться всѣ ближніе Назаровцы и вести съ собою скотъ, что у кого лишнее есть, и за каждую голову будутъ платиться деньги.

Написавъ это, я отправился въ столицу нашу, въ укрѣпленіе, самъ не зная, за чѣмъ и къ кому, такъ прогуляться. Вдругъ входить Ханыковъ, мерзлый, отчаянный; онъ воротился съ неудачной охоты, и говорить: «идите скорѣе въ лагерь, васъ ищутъ: гонцы прибыли съ Акъ-Булака (со втораго укрѣпленія) съ извѣстіемъ, что тамъ дерутся съ Хивинцами». Вотъ разсказъ посланныхъ: 13-го Декабря отправлены были отселѣ 130 человѣкъ

пѣхоты и сотня казаковъ въ Акъ-Булакъ, чтобы привести оттолѣ всѣхъ больныхъ, до сотни. Команда эта, ничего не чая, остановилась для послѣдняго ночлега 18 Дек. верстъ за 10 недоходя укрѣпленія, и ночью вдругъ Хивинцы съ крикомъ и визгомъ напали, кинувшись напередъ всего на лошадей. Лошади были стреножены, но до 30 треногъ лопнуло, и кони шарахнулись безъ удержу; 40 верблюдовъ поскакали за ними вслѣдъ. Между тѣмъ отрядецъ справился, собралъ остальныхъ лошадей и верблюдовъ, окружилъ себя заваломъ изъ телегъ и выюковъ и благополучно выдержалъ 1 1/2 дневную осаду 2-хъ до 3-хъ тысячи Туркменъ, Каракалпаковъ и Хивинцевъ. Казаки и солдаты отстрѣливались славно, кидались нѣсколько разъ изъ засады своей на непріятеля, который наконецъ принужденъ былъ удалиться. Съ нашей стороны убиты: три солдата и два казака; ранено 11. У Хивинцевъ потеря не известна, потому что они утаскивали убитыхъ и раненыхъ съ собою; но сами посланные, бывшіе

вожаками при отрядѣ, видѣли 8 человѣкъ, свалившихся съ лошадей. Тroe убиты были такъ близко, что тѣла ихъ Хивинцы не успѣли выхватить и покинули. На одномъ изъ посланныхъ была завоеванная сабля, которыхъ взято 5. Прибывъ за тѣмъ благополучно въ укрѣпленіе, молодцы наши услышали здѣсь, что тотъ же Хивинскій отрядъ осаждалъ его три дня, но не могши нанести ему никакого вреда и потерявъ нѣсколько человѣкъ отъ гранатъ и картечи, прошелъ мимо, вѣроятно для развѣдокъ; — и на этомъ то розыскѣ встрѣтилъ конвой, посланный для больныхъ. Вся слава разбойниковъ и трусовъ состоить въ томъ, что они звѣрски замучили и разрѣзали по частямъ одного Кайсака, посланного, охотой, съ увѣщательными грамотами къ Хивинскому народу, къ Каракалпакамъ и проч., дабы, по возможности, предупредить напрасное кровопролитіе. Прибывшіе сюда гонцы нашли остатки тѣла его на дорогѣ, верстъ не болѣе какъ въ 5—6 отъ самого укрѣпленія. Это озлобило вообще всѣхъ Кайсаковъ до того, что они называютъ

Хивинцевъ кяфырами, не мусульманами и клянутся въ мести. Тѣмъ вѣрнѣе будуть они намъ служить, тѣмъ менѣе можно ожидать побѣговъ, хотя, правду сказать, и теперь изъ отряду нашего бѣжало Кайсаковъ 3 или 4 человѣка, и только изъ числа высланныхъ за нами Бай–Мохамедомъ, при 350 верблюдахъ, прибывшихъ вовсе отдельно и по себѣ, бѣжало 12 человѣкъ Кайсаковъ. И такъ, первая побѣда надъ непріятелемъ одержана, а главное — Хивинцы вышли изъ гнѣзда своего и должны теперь драться. Пора спать: до завтраго. Двое Кайсаковъ прибывшихъ съ этою вѣстю вызвались для опасной посылки, а другихъ охотниковъ не было. Это тѣже самые, которые были отсюду посланы вожаками съ командой, ушедшей въ Акъ–Булакъ за больными. Одинъ изъ нихъ человѣкъ бывалый, видѣлъ войну между Кайсаками, видѣлъ войну Хивинцевъ съ Персіанами, съ Бохарцами, — но эдакой войны, говорить, какъ бой 200 человѣкъ, этой горсти, за тюками и телѣгами, не видаль. Онъ не можетъ

надивиться хладнокровію солдатъ нашихъ, которые почти двои сутки отстрѣливались, пѣли при этомъ пѣсни, какъ именно Кайсаки замѣчаютъ въ разсказѣ своеемъ, даже курили трубки. У Хивинцевъ было два трубача, огромныя, саженныя трубы съ широкимъ раструбомъ; трубачи эти сзывали правовѣрное воинство на бой; всѣ около нихъ собирались, но, какъ трубачамъ нельзя было подъѣзжать близко къ заваламъ нашимъ, потому что—де стрѣляли оттуда, то и наездники вмѣстѣ съ трубачами давали тылъ. Причина весьма удовлетворительная: у трубача, какъ у всякаго другаго молодца тогоже калибра, лобъ не за каменной стѣной. Очень хвалять поручика Ерофѣева, командира роты, за хладнокровіе и распорядительность его. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что въ первый разъ попалъ въ огонь и войны не видаль. Солдатъ было съ нимъ, какъ я узналь теперь вѣрнѣе, 170 челов., а казаковъ сотня, изъ коихъ 40 верхами, а лошади изъ подъ остальныхъ были заложены въ сани и телѣги, подъ больныхъ.

Все это прекрасно. Остаются только неодолимыя хлопоты съ больными, этою вѣчною мукою всѣхъ военныхъ отрядовъ: за ними сто разъ болѣе хлопотъ, чѣмъ за убитыми. У насъ, въ 4-й колоннѣ, ихъ уже до 90 человѣкъ.

У насъ идетъ повѣрка и пересмотръ верблюдовъ: ихъ должно бы быть 10 т.; но выходитъ менѣе, такъ, что за выключкой негодныхъ едва наберется 8 т. Запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя будетъ взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ; прежде не разсчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣть ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу. Впрочемъ, у насъ есть еще порядочный запасъ въ Новоалександровѣ, это ближе, и туда можно будетъ послать съ мѣста: туда всего отъ Хивы двѣ недѣли ходу. Солдатъ кормятъ очень хорошо, даютъ имъ теперь по полному фунту мяса на день; не смотря на это, они болѣютъ. Сначала выступленія В. А. были очень озабочены неисправностію цѣпи нашей; не умѣли опрашивать

проходящихъ, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ; поэтому всѣ наличные при штабѣ офицеры стали обходить (ночью) цѣпь и повѣрять часовыхъ. Нынѣ дошли до того, что можемъ быть спокойны; часовые стоять хорошо и понимаютъ обязанность свою. В. А. вчера ночью хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь; часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если не остановится на мѣстѣ до прихода ефрейтора, котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ. Мы также боялись частыхъ побѣговъ Кайсаковъ съ верблюдами, но доселѣ было только два или много три случая, остальные служить хорошо и стали даже сами (т. е. не верблюды, а Кайсаки) выучить ихъ къ крайнему облегченію войска. Бай Мохамедъ прислалъ 380 верблюдовъ, изъ числа этого ушло дорогою 42 верблюда, т. е. 12 челов. съ ними бѣжали. Удивительно, что доселѣ нѣть здѣсь самого Бай Мохамеда, ему срокомъ назначено

было 13—е число, и онъ хотѣль прибыть съ 400 Кайсаковъ.

Насчиталь ли вамъ, хотя ради небольшаго самохвальства, всѣ неудобства нашего необыкновенаго похода? Начинаю тѣмъ, что еслибы идти намъ по утвержденнымъ и установленнымъ на этотъ предметъ общимъ постановленіемъ, то мы бы доселѣ не дошли далѣе Илецкой Защиты. Напримѣръ: предписывается посыпать квартиргеровъ, занимать биваки всегда по близости селеній, разводить бивачные огни, стоять на мѣстѣ, ждать, если морозъ превышаетъ 15°. Хороши бы мы были! Долго бы намъ пришлось дожидаться пятнадцати градусовъ, и дожидаться, поколѣ выростутъ на пути лѣса и выстроится селенія! Мы идемъ глубокимъ снѣгомъ, цѣликомъ, безъ дороги, — и это тяжело; верблюды безпрестанно развязываются, за ними хлопотъ много, и много остановки: нѣсколько верблюдовъ пристаютъ вовсе, на каждомъ переходѣ, — надоно скакать по отряду, искать порожняго верблюда чтобы не покинуть

вьюка: а между тѣмъ Кайсаки рѣжутъ отслужившаго горбuna и дѣлять между собою мясо. Расчитывали, что на вербюда могутъ садиться поперемѣнно по два солдата, оно справедливо, и верблюдъ несетъ двухъ человѣкъ легко; но оказывается, что жесткая сума солдатская занимаетъ много мѣста и сверхъ того набиваетъ верблюду задній горбъ, а верблюдъ со сбитымъ горбомъ идетъ только подъ ножъ. Число верблюдовъ сравнительно съ числомъ войскъ, очень велико; верблюдъ, избалованное животное, которое требуетъ — не корму, не воды, а присмотру. Не хорошо навьючить, не выровнить тюки, пустить веревку черезъ горбъ — значитъ лишиться верблюда, онъ уже не служака и изъ счету вонъ; каждый день надобно разгребать снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ верблюды укладываются и даже, гдѣ только можно, срывать землю, до талой земли — работы много. Надобно также подстилать подъ скотину эту кошмы или камышъ; а солдаты гораздо охотнѣе

укрываются кошмами сами и жгутъ камышъ, и верблюды болѣютъ и дохнутъ.

В. А. уѣхалъ въ укрѣплѣніе, отъ котораго мы въ полуверстѣ — заботиться о больныхъ; папа Пій VII-й поймалъ *Menoniles Tatiaricina* и очень доволенъ; онъ ходить по сугробамъ снѣга въ мѣховыхъ сапогахъ, нагольномъ тулупѣ и самоѣдской скуфьѣ, закрываясь локтемъ отъ жестокаго бурану. Сарданапаль царевичъ возвратился съ охоты благополучно и очень удачно, т. е. къ счастію не видаль кабана и остался цѣль и невредимъ. Ивановъ варить пельмени, разъ по семи на день и ъсть, увѣряя, что это грѣеть. Мулла, нынѣ чиновникъ, урядникъ, взяль у меня ружье, послышавъ о близости Хивинцевъ и пригоняеть пули. Сабли онъ не снимаетъ съ себя даже ночью, потому что теперь онъ военный человѣкъ. Чихачевъ таки дохолодился на морозѣ до того, что его вчера маленько встряхнуло — нынѣ онъ здоровъ. Бодиско стоять отъ насъ саженяхъ во ста, за штабомъ, въ обозѣ, мы видимъ его только за обѣдомъ, да изрѣдка

навѣщаю; ему вчера выдернули зубъ, который его нѣсколько дней сильно мучилъ.

Я помянула пельмени: скажите пожалуста тому, до кого можетъ касаться, — что пельмени наши никуда не годятся; въ Оренбургѣ, какъ вы чай помните, была оттедель; заботливый поваръ нашъ пересыпалъ ихъ въ это время мукою, чтобы не слиплись всѣ въ одинъ пельмень — теперь, какъ сварять ихъ, точно клейстеръ, мука сваренная въ водѣ. Между тѣмъ ъдимъ ихъ очень прилежно, потому что французскій самоучитель, M-r, Г'Appelit, даетъ намъ полезные уроки. Вчера вся честная плющая братія возстала на меня дружнымъ и шумливымъ оплотомъ, за то, что я не умѣю достать вина для нихъ, которое замерзло въ боченкѣ. Я просиль наставленія, какъ это сдѣлать, — потому что боченокъ на морозѣ не отойдетъ, а рубить его не приходится; воляныя части вина разумѣется замерзли напередъ, а послѣ уже спиртовыя, и потому надобно бы оттопить все. Велегласное совѣщеніе

кончилось тѣмъ, что нельзя ничего сдѣлать, и троє ретивыхъ спорщиковъ, которые хвалились, что разпорядились бы гораздо лучше, еслибы дѣло было поручено имъ, замолчали. Имъ однакоже очень прискорбно, что мы завтра, первый прадникъ, будемъ безъ вина. И такъ сегодня сочельникъ; походная церковь наша поставлена въ укрѣплениі; зеленая кровля шатромъ видуєется издали. Въ Оренбургѣ храмикъ нашъ исчезалъ среди высокихъ зданій, — здѣсь, между курныхъ и дымныхъ кибитокъ, между рыхлыхъ землянокъ, занесенныхъ сугробами снѣга, между будками сшитыми на живую нитку изъ лубковъ и рогожъ, походная церковь составляетъ самое великолѣпное зданіе. Тридцать два заряда приготовлены, колоколь сзываетъ на всенощную — здѣсь конечно отъ созданія міра впервые раздается звонъ христіанского колокола. Для сочельника вѣтеръ стихъ; погода прекрасная, мы ходимъ въ однихъ курткахъ и сертучкахъ — и не можемъ надивиться, что термометръ докладываетъ намъ о

14 градусахъ. Это, право, оптическій обманъ. Земля нырнула уже въ глубокую тьму — вокругъ поднимаются искристые столбы туманнаго свѣту, это огни наши; вблизи на всѣхъ кибиткахъ, по своду кровли, широкія огненныя прорѣхи, изъ которыхъ вылетаетъ дымъ, паръ, и тутъ и тамъ искры; часовые опять затянули уже круговую зѣвоту свою, верблюды угнаны на далекое пастбище, и потому унылыхъ пѣней ихъ не слыхать. Все тихо; — «солдатъ стой, убью — солдатъ стой, что отрыль?» раздается тутъ и тамъ — и благодать Господня почіетъ на христолюбивомъ воинствѣ.

Командиръ колоннъ перемѣняется по случаю назначенія Толмачева командующимъ пѣхотой, Цюлковскаго кавалеріей, Кузминскаго артиллеріей. Первой колонной командуетъ полковникъ Бизяновъ, славный, почтенный старецъ и знакомецъ мой, уралецъ, ходившій еще при Павлѣ I въ аломъ кафтанѣ и синей шапкѣ, воевавшій еще съ Суворовымъ — и первая колонна идетъ впередъ, чуть ли не на

второй день праздника. Счастливый и завидный путь!

V.

27 Дек. Четыре колонны наши пойдутъ отсюда эшелонами, съ тѣмъ, чтобы 1-я колонна приняла въ одномъ или двухъ переходахъ отъ Акъ-Булака высланныхъ оттуда, подъ прикрытиемъ Чижева, больныхъ, передала ихъ за переходъ во 2-ю, тамъ въ 3-ю, 4-ю, и такимъ образомъ будуть они доставлены благополучно сюда, и мы не лишимся конвоя своего, который въ иномъ случаѣ долженъ бы проводить больныхъ и съ ними оставаться. Чихачевъ еще открылъ, что термометръ его враль на $1\frac{1}{4}^{\circ}$, а именно показывалъ меньше, потому что висѣлъ на кибиткѣ В. А., въ которой бывало до 20° и болѣе тепла. Стало быть 6-го Дек. у насъ было до 34° морозу, чть и согласно съ наблюденіемъ въ другихъ колоннахъ. Странная болѣзнь появляется здѣсь изрѣдка, скажите мнѣ, что это такое: начинается прямо безпамятствомъ и сумашествиемъ, между тѣмъ какъ по всему нельзя предполагать тутъ воспаленія мозгу;

человѣкъ до пяти заболѣвали, и двое умерли.

Отъ Оренбурга шли мы все въ гору, вверхъ по Илеку; перешли Сыртъ, т. е. раздѣленіе водъ, возвышеніе Буссага, которое на картахъ изображаютъ огромными, небывалыми горами; тамъ спустились внизъ по Эмбѣ и теперь пойдемъ низменною степью до самаго Чинта. До Эмбы земля довольно плодоносна, растеть ковыль, а гдѣ ковыль, тамъ можетъ расти и хлѣбъ; отсель далѣе почва илистая, песчаная, солонцеватая, глинистая, словомъ, дно морское: растуть одни тонкія солянки и мелкотравчатая полынь, да мѣстами бурьянь и помочка, словомъ земля голодная, лѣтомъ почти непроходимая. По Илеку сидѣли аулы Ташинцевъ; здѣсь Чиглинцы, и именно Назаровцы; это народъ довольно дикій, многіе изъ нихъ не видали отъ роду Русскихъ; — между тѣмъ аулы ихъ сидять спокойно кругомъ, не уходяты, потому что зимою имъ бѣжать нельзя, и приводятъ даже скотъ на продажу; имъ вельно

поставить намъ сколько можно верблюдовъ и лошадей. Нѣсколько ауловъ вѣденія Куль-Джани не дали вовсе верблюдовъ, когда собирали ихъ для экспедиціи и платили найму по 10 руб. сереб. за каждый. Этимъ молодцамъ задана теперь задача — поставить двѣ сотни горбуновъ. По случаю ссоры Назаровцевъ съ Хивинцами никакихъ вѣстей о войскѣ ихъ нѣть; не знаемъ что и какъ будетъ, а надѣемся встрѣтить ихъ.

28 Дек. Кто скажетъ намъ, какие это Хивинцы съ нами дрались? Передовой ли отрядъ, или просто команда Менембая (Джангиза), которая вышла встрѣтить караванъ и сорвать съ него что можетъ, и вздумала прислужиться хану нападеніемъ на Акъ-Булакъ? Статься можетъ, что мы ихъ и не удивимъ больше, и знаменитою вылазкою двѣнадцати солдатъ и 4-хъ Грозненскихъ казаковъ кровопролитіе кончится! По человѣчеству — прекрасно; но, соображая цѣль многотрудной и дорогой экспедиціи нашей, дурно. Если все обойдется по христіански, чинно, смироно, тихо — тогда не узнаютъ страху, и нельзя

поручиться, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ Хива не сдѣлалась опять тѣмъ же вертепомъ. Если напротивъ придется побить ихъ путемъ, разбить какой нибудь глиняный валъ или стѣну ядрами или подорвать его миной, поднять на штыкъ ихнее ополченіе, размести, какъ говорится, пепель хвостомъ конскимъ: тогда бы помнили Русскихъ долго. Первая угроза имъ легла бы смерчемъ на безпутное ханство, и каждое требованіе было бы свято исполняемо.

— Вчера В. А. въ первый разъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ; колонны въ сборѣ, и потому всѣ могли наблюдать ихъ хорошо. Впрочемъ, никогда употребленіе этого средства на сухомъ пути не можетъ сдѣлаться о такой степени общимъ, какъ на морѣ⁽⁴⁾: тамъ ничего не мѣшаетъ наблюдать огни, тамъ часовой закричть: сигналы — и вахтенный, не сходя съ мѣста направляетъ глаза или трубу въ ту сторону, гдѣ флагманъ; здѣсь иному придется бѣжать съ версту, покуда найти того, кому надо наблюдать, и этому

⁽⁴⁾) Перед на зна ченіемъ гъ Оренбургъ (гр.) Перовскій служилъ нѣкоторое время въ морскомъ вѣдомствѣ. Н. Б.

опять искать чистаго мѣста, откуда сигналы видны.

Мы обстрѣливаемъ коней своихъ: мои, мухортый и карій, ничего не боятся, словно знали, что подъ такого богатыря пойдутъ. Для охоты это очень пріятно. Леманъ вчера ъздила верстъ за десять, видѣла горы морскихъ ракушекъ и животныхъ, даль нѣсколько промаховъ изъ ружья и щедро наградилъ казаковъ, которые убили ему пятокъ куропатокъ и два жаворонка. Онъ тѣшился ими. Чихачевъ, выбравши и вымывши всю прислугу нашу, сжегъ рукавъ совика, обрѣзаль огромные бахилы и работалъ потомъ съ астрономомъ Васильевымъ. Онъ, Чихачевъ, постоянный метеорологъ нашъ, береть высоты, наблюдаетъ барометръ, термометръ и даже баро-термометръ: машинка, по которой черезъ кипяченіе перегонной воды узнается возвышеніе мѣста отъ поверхности моря, потому что вода, какъ известно, кипитъ при различной температурѣ, смотря по возвышенію мѣста или тяжести воздушнаго надъ нею столба. Мнѣ поручено строить

койки, о которыхъ я говориль, и это занятіе право больше идеть ко мнѣ, чѣмъ быть очень неисправнымъ буфетчикомъ. Но, чтль всего лучше, у насъ теперь прекрасныхъ, сухихъ, березовыхъ щепъ вдоволь: въ юлламъ пылаеть неугасимый огонь, и Весталка наша, знаменитый Бай–сенъ Чихачева, не можетъ нахвалиться щедротами Аллаха. У Бай–сена этого рожа право самая неблагопристойная, разсудка нѣть, кажется, ни на волосъ, а между тѣмъ онъ пасеть прекрасно верблюдовъ, день и ночь караулить лошадей и стьить намъ теперь дороже трехъ исправныхъ деньщиковъ. Мы позвали вчера вечеромъ моего Саната въ юлламу, сѣли вокругъ огня, затопили чайникъ, произвели Муллу–Нура въ чайбashi и заставили Саната рассказывать сказку, услышавъ случайно, что онъ большой мастеръ этого дѣла. Чтоже вы думаете? Право мы изумились; ждали какого нибудь вздору, а Санатъ мой высыпалъ намъ цѣлую поэму о Чурь–батырѣ, Погайцѣ, въ презамысловатыхъ стихахъ, съ безконечнымъ ожерельемъ

прибаутокъ, съ риомами, съ пѣснями, съ припѣвами, складко, ладно и причудливо. Это большая рѣдкость между Кайсаками; у нихъ обыкновенно не найдете, въ народной поэзии, воспоминаній былевыхъ, а пѣснопѣвцы слагаютъ стишкы свои, почетыре въ строфѣ, на обумъ, помня немногіе изъ нихъ на изусть. Чуръ-батырь непремѣнно будетъ переписанъ, отъ слова до слова, и переведенъ на Русскій языкъ. Я далеко не все понималъ, но удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самаго разсказа съ Русскими богатырскими сказками. Что такое народная поэзія? Откуда берется это безотчетное стремленіе нѣсколькихъ поколѣній къ одному призраку, и какимъ образомъ наконецъ то, что думали и чувствовали впродолженіи десятковъ или сотень лѣтъ цѣлые народы, племена и поколѣнія, оживаетъ въ словѣ, воплощается въ словѣ одного, и снова развивается въ толпѣ и дѣлается общимъ достояніемъ народа? Это загадка. Сто усть глаголять одними устами — это хоръ древнихъ

Грековъ, и значеніе хора ихъ можетъ понять только тотъ, кто способенъ постигнуть душою, что такое народная, созданная народомъ поэма: это дума вслухъ цѣлаго народа, цѣлыхъ поколѣній народа. Для меня, это первый залогъ нашего бессмертія. Говорять: гласъ народа, гласъ Божій; что же сказать о гласѣ цѣлаго поколѣнія? Этотъ залогъ — долженъ найти свой отголосокъ, онъ не замреть въ простотѣ и силѣ своей, а отголоска ему въ этомъ мірѣ нѣть. Такъ-то мы читаемъ въ каждой книжѣ не то что написано, а то, что можемъ понять и постигнуть, что тронеть и зажметь насъ; такъ-то народныя преданія для иныхъ — бабы сплетни, для иного совсѣмъ иное.

Такъ коловратно все на свѣтѣ! Не болѣе трехъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончилъ эту страницу письма, и погода измѣнилась, сдѣлалось гораздо теплѣе, вѣтеръ затихъ, а у насъ въ отрядѣ двухъ Кайсаковъ разстрѣляли. Ночью бѣжало шесть человѣкъ съ 18-ю верблюдами, а потомъ всѣ верблюдчики въ колоннѣ

Толмачева объявили, что далѣе идти не намѣрены, а хотять воротиться. Причины раздумья ихъ были очень просты: верблюды—де у насъ плохи, устануть, не дойдутъ, непріятель впереди, время опасное — такъ зачѣмъ мы туда пойдемъ? В. А. выѣхалъ къ нимъ тотчасъ самъ, велѣлъ ихъ собрать и окружить карауломъ, человѣкъ до 200. За тѣмъ Ивановъ растолковалъ имъ, что мы всѣ идемъ не по своей волѣ, а по волѣ Государевої, что всякий, кто теперь смѣеть сказать: «я не иду далѣе» ослушникъ и преступникъ и долженъ быть строго наказанъ; что Кайсаковъ у насъ кормяты хорошо, даютъ имъ мяса и крупу болѣе чѣмъ солдату: что непріятеля имъ бояться не для чего, какъ могутъ заключить изъ первой стычки нашей съ нимъ: тамъ Кайсаки лежали, по распоряженію офицера, за пулями, а солдаты и казаки отстрѣливались; солдаты же и казаки ранены и убиты, а Киргизы всѣ цѣлы и пр. За тѣмъ спросили всю толпу, кто понялъ рѣчь эту, образумился и хочетъ идти, и кто нѣтъ. Нѣкоторые увидали, что

МИМО ихъ прошли рабочіе солдаты съ лопатами и кирками, а другіе съ ружьями за ними, и спѣшили бѣгомъ перебраться на правую сторону; другіе послѣдовали ихъ примѣру, а семь человѣкъ, и въ томъ числѣ знаменитый ораторъ, который кричалъ за всѣхъ, что мы де не пойдемъ, перешли на лѣвую сторону. Послѣднихъ тотчасъ же окружили казаки съ пиками, и В. А. указалъ на одного изъ нихъ (кажется, на первого встрѣчнаго, на кого упала рука). Его вывели, раздѣли, завязали глаза, и залпъ раздался. Всльдъ за тѣмъ та же судьба постигла другаго, остальные пять взвывали о милосердіи и отдавали души свои въ поруки, что готовы идти на край свѣта. В. А. сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ во уваженіе просьбы султана—правителя Бай—Мохаммеда, который присутствовалъ тутъ же, и образумѣвшіеся глупыши, бѣгомъ, кувыркомъ и прыжкомъ, пробрались между лошадьми и пиками на правую сторону, къ праведнымъ. Примѣръ этотъ необходимъ. Подкрѣпи только Господь здоровье В. А. (*)

(*) Сра ви. Р Ахр. 1863. За писки гр. Перовска го.

и душевную силу его! Онъ иногда бываетъ очень разстроенъ отъ безпрестанныхъ непріятностей и трудовъ, отъ заботъ, которыя нельзя устранить и не всегда можно увѣнчать успѣхомъ.

(Окончаніе будеть.)

ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ ИЗЪ
ПОХОДА ВЪ ХИВУ (*).

VI.

1—го Генв. 1840. Съ новымъ годомъ!
День славный; вчера и сегодня градусовъ 10—15, тепло; снѣгъ не идетъ, вѣтру нѣть. Снѣгъ однакоже ужасно глубокъ: Богъ вѣсть, какъ притащимся съ орудіями, больными и ящиками. Дай Богъ, чтобы мы могли сдѣлать по 10 верстъ въ день. Вѣроятно выступимъ дня черезъ три. Вчера опять ушло у насъ четыре Кайсака, Семиродца, это всего выходить 24 человѣка; поймать ни одного не удалось доселѣ; хоть бы разстрѣлять какого нибудь бѣглеца, такъ бы можетъ быть стали трусить. В. А. сегодня очень разстроенъ, не спалъ всю ночь и много беспокоился. Я все

(*) См. выше, стр. 400 — 431.

говорю алахъ-керимъ, Богъ милостивъ, и Русскій Богъ великъ; дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ 32 дня, а отсюда пойдемъ еще вдвое медленнѣе. Бизяновъ, который выступилъ четвертаго дня съ своей колонной, проходилъ первые два дня по пяти и по семи верстъ. Пѣхота пашетъ по колѣна въ снѣгу. Всѣ Кайсаки говорять, что отъ роду такого снѣгу здѣсь не запомнятъ; обыкновенно по сю сторону Сырта Буссага, который раздѣляеть вершины Илека и Эмбы, зима бываетъ несравненно мягче и снѣгу бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ у васъ; теперь на оборотъ. Вы ждете снѣгу, а мы отрываемся лопатами. Наша колонна шла въ походѣ такимъ порядкомъ: лѣвый флангъ верблюдовъ въ десять рядовъ или нитокъ; впереди, для порядку, по одному казаку на каждый рядъ, а иногда и на каждые два ряда. Правая колонна или флангъ также; въ срединѣ паркъ, за нею штабъ, за нимъ лодки, церковь, аріергардъ; впереди парка

артиллерія, впереди ея авангардъ 1-го полка. Нельзя впрочемъ не признаться, что иногда, особенно въ началѣ, было много путаницы, и долго не могли привыкнуть останавливаться тѣмъ же порядкомъ и выступать также. Теперь всякий знаетъ свое мѣсто; кибитка корпуснаго командира становится въ самой срединѣ за паркомъ и выдвигается впередъ; за нею каютъ—кампанія и кухня: по обѣ стороны: влѣво стоять дежурный штабъ офицеръ, дежурство и прочее, вправо мы. Теперь прибыли къ намъ въ палатку еще два генерала: команд-щій пѣхотой Толмачевъ, и кавалеріей Ціолковскій. Они, кажется, станутъ на правомъ флангѣ, подлѣ дежурства. Скажу вамъ еще частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ обратный путь будетъ по моему безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе; мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Минѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ Хивинскихъ

дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, что я говорю откровенно, чтль думаю, поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю; В. А. позволилъ писать мнѣ все, и письма эти почти тоже, чтль дневникъ мой.

4-го Генв. Довольно холодно; 22°, но ясный, солнечный день. Изготовилъ до 150 коекъ для больныхъ, которыхъ будутъ подвѣшивать на верблюдовъ; пересмотрѣлъ стклянки и банки по должности дворецкаго — все полопалось, вино, трюфли, морсь, прощай! Даже портвейнъ и мадера высадили въ боченкахъ дно. Говорятъ, если правда, что у Ціолковскаго все цѣло: вотъ что значитъ хозяинъ, и вотъ какая разница въ хозяйствѣ хозяина и бурлака. Впрочемъ, все у насъ было общито кошмами: не знаю, въ чёмъ сила. В. А. уѣхалъ вчера еще въ укрѣпленіе къ Геку, и пишетъ письма; Никифоровъ и Ханыковъ живутъ тамъ постоянно, Артюховъ являлся туда ежедневно, чтобы поѣсть свѣжаго хлѣба и напиться квасу; я въ теченіе двухъ недѣль навѣдывался туда,

по дѣлу, раза два—три. Муллу произвели заурядъ въ хорунжіи, онъ ходить съ темлякомъ; Чихачевъ вздумалъ чистоплотничать сегодня, вытереться спиртомъ, да хотѣлъ погрѣть огромное полотенце, съ простынею, обмакнувши его въ спиртъ — огонь вспыхнулъ, и мы едва не сожгли юлламу свою, насилиу выкинули тряпку въ снѣгъ.

5—Генв. На дняхъ отданъ приказъ, чтобы всѣ офицеры покидали здѣсь въ укрѣплениіи всѣ излишнія тяжести, все безъ чего только можно обойтись, потому что иначе, быть можетъ, принуждены будутъ по недостатку верблюдовъ кинуть добро свое путемъ на распутье. Почему же и не такъ? Въ Турціи гевальдигеры жгли, по приказанію главнокомандующаго, всякую лишноту, т. е. всякую повозку, когда строго велѣно было всѣмъ итти на выюкахъ, но не могли истребить всего обоза: много телѣгъ перешло за Балканъ — и — виноватъ, въ томъ числѣ и наша. Дѣвать вещей своихъ мнѣ было некуда, и чѣмъ жечь ихъ самому, я рѣшился тогда предоставить дѣло это

судьбъ и оберъ-гевальдигеру. Кто изъ нихъ былъ милостивѣе, не знаю; но мы съ Зейдлицемъ сохранили телѣгу свою. Здѣсь иное дѣло; мы поднялись съ мѣста на выюкахъ, всѣ знали, что лишняго брать нельзя, и всѣ мы знали кромѣ того, что насъ будуть кормить готовымъ. У меня бросать нечего; на шт. офицера полагалось при выступлениі два верблюда, а я занялъ своими вещами одного. Но тулупъ, таганъ, котелокъ, ведро, топоръ, лопата, чайникъ, треноги, арканъ и всякая, неизчислимая, но необходимая дрянь накапляется и — смотришь — выходить тотъ же выюкъ. Тутъ еще овса выдадутъ вдругъ на нѣсколько сутокъ, да сухарей людямъ, да наберешь сѣнца, да дровецъ — и бѣдный верблюдъ кряхтить и рычить подъ ношей, а убавить нечего. Удивительно, какъ дрянь эта накапляется въ походѣ, и какъ она необходима. Напримѣръ, у человѣка излишняя кошомка, дрянная, изодранная, но она грѣеть, если ею укроешься въ 25° морозу, и грѣеть, если ее подстилать подъ себя; и кто рѣшился ее кинуть? Вотъ какъ

пойдемъ, завоевавши ханство, домой, тогда облегчимся: тулуповъ и теплыхъ сапогъ не надо, кинемъ ихъ; овса лошадямъ не нужно, сѣна не нужно, муки верблюдамъ не нужно, дровъ таскать не нужно, ни теплыхъ постелей и покрывалъ, и прочее и прочее.

6-го Генв. Погрузили крестъ въ Эмбу, освятили бусурманскія вѣды, палили изъ пушекъ. Священникъ нашъ молодой вдовецъ, лѣтъ двадцати не съ большими, благочестивый, доброжелательный и всѣми уважаемый. Онъ стоялъ въ бѣлой какъ снѣгъ ризѣ, на бѣломъ снѣгу, и солнце генварское ярко играло на золотыхъ галунахъ. День ясный и теплый, 10°. На дняхъ генер. Молостовъ стрѣлялъ въ цѣль, Уральцы изъ винтовокъ своихъ били также не совсѣмъ плохо: на 100 и 150 шаговъ. Скоро и я буду походить на Уральца: я не брился со дня выступленія изъ Оренбурга и не намѣренъ бриться до возвращенія: на походѣ, да еще зимой, заниматься этимъ скучно. Скоро напишу вамъ, къ какому разряду изъ всѣхъ бородъ принадлежитъ борода моя: клиномъ ли она, лопатой ли,

вѣникомъ, вѣромъ или хохолкомъ. Верблюды наши худѣютъ — перенеси Богъ; но иначе и быть не можетъ; зимняя тебеневка можетъ по нуждѣ поддерживать скотину, кой-какъ, но откормиться на ней скотина не можетъ. При выступлениі отсюда, верблюды по необходимости будутъ сутки полторы не ъвши; они ходятъ верстъ за 20, ближе нѣтъ кормовъ; ихъ пригонять сюда съ утра, здѣсь они переночуютъ, на другой день навыученные должны они еще сдѣлать хоть небольшой переходъ и удовольствоваться потомъ неимовѣрно-тощимъ кормомъ, потому что снѣгъ завалилъ все. Лошадямъ идеть по 5 ф. сѣна, и по 4 и 5 гарнцевъ овса. Этого довольно. Я не ковалъ лошадей своихъ вовсе и очень этимъ доволенъ: снѣгъ не набивается подъ копыта, и лошади, непривычной къ ковкѣ, легче. О Хивинцахъ никакого слуху: словно сгинули. Тяжело будетъ намъ пойти еще верстъ 200, т. е. до Усть-Урта; тамъ, поднявшись, найдемъ много дровъ, найдемъ и корму для верблюдовъ и, вѣроятно, поменѣе снѣгу.

Бывалые люди увѣряютъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не найдемъ въ Хивѣ, въ цѣломъ ханствѣ, достаточное для себя продовольствіе, а что необходимо будетъ требовать подвозу изъ Бохары. Я тоже такъ думаю, и думаю, что изъ Бохары, если просить обѣ этомъ не застѣнчиво, могутъ доставить довольно. Каракалпаки могутъ снабдить насъ говядиной, а Туркмены верблюдами. Мы придемъ въ Хиву къ веснѣ; вѣроятно хозяевамъ не много удастся посѣять, и гости еще менѣе того пожнутъ. Пора не земледѣльческая, година брани. Я говорилъ уже вамъ, что на дняхъ попытались сдѣлать нѣсколько ночныхъ сигналовъ огнями, по условленному порядку. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, то В. А. послалъ увѣдомить о томъ всѣхъ начальниковъ, чтобы они не прозѣвали ракеты. На другой день одинъ подалъ мнѣніе свое, что было бы необходимо имѣть какой нибудь сигналъ, означающій: «больше сигналовъ въ эту ночь не будетъ», чтобы избавить людей отъ труда караулить ихъ. Это очень походить

на извѣстный анекдотъ о какомъ-то городничемъ или губернаторѣ, который отдалъ приказъ, чтобы пожарныя трубы всегда были запряжены за полчаса до пожару.

8-го Генв. Скука начинаеть одолѣвать насъ: все еще стоимъ на мѣстѣ, стоимъ еще оттого, что намъ, для уничтоженія укрѣпленія при Акъ-Булакѣ, надобно поднять оттуда все и въ особенности больныхъ и препроводить ихъ безопасно сюда, на Эмбу; и будутъ передавать, по пересылкѣ, одинъ отрядъ другому, и потому надобно расчесть время такъ, чтобы каждый выступилъ въ пору. Между тѣмъ непомѣрно глубокіе снѣга замедляютъ ходъ, Чижевъ пришелъ въ Акъ-Булакъ вѣроятно только 3-го или 4-го. Скажу вамъ правду, В. А. заботами, безсонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, а пуще всего именно заботами о будущемъ, очень разстроенъ. Туть, кажется, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ, и что весь походъ этотъ будетъ

прогулкой. Нѣть; я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы обѣ этомъ судить, но я всегда былъ вовсе противнаго мнѣнія и доселѣ все ешѣ удивляюсь, какъ все идетъ хорошо, и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенные средства и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земнаго по буранамъ, необитаемымъ пустынамъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска, среди земель Европейскихъ, гдѣ казалось бы есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А между тѣмъ настоящій походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ — это иное дѣло. Стало

быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему. Говорять: да теперь, можетъ быть, всѣ верблюды падутъ, мы останемся безъ подъемныхъ средствъ, у насъ выйдетъ продовольствіе, мы его всего беремъ на шесть недѣль; въ Хивѣ мы его не найдемъ, люди всѣ переболѣютъ, и прочее, и прочее. Отвѣчаю опять тоже: все это можно и должно быть предвидѣть; противъ всего этого взяты заблаговременно всѣ возможныя мѣры, — а чего предупредить нельзя, то во власти Господней. Насъ можетъ поглотить и землетрясеніе; но вѣроятно ли это, хоть сколько нибудь? Нѣтъ. Такъ и то; трудностей будетъ много, но мы ихъ, дастъ Богъ, одолѣемъ. Верблюды не могутъ никогда пасть вдругъ; потерянемъ въ теченіи пути треть, ну половину — и дойдемъ на остальныхъ; оставимъ часть людей и сложимъ часть продовольствія, котораго не въ силахъ поднять, пойдемъ дальше и сдѣлаемъ свое. А чтобы можно было кончить все это и воротиться весною въ Оренбургъ — этому я

никогда не вѣриль, и молчаль, чтобы не быть зловѣщимъ пѣтухомъ. У насъ здѣсь о сю пору надѣятся и самъ В. А. не вѣрить, чтобы мы не воротились весной — а я остаюсь при своемъ. Надо приготовить продовольствія, которое можемъ получить только изъ Бухары — чему также не хотять вѣрить; надобно достать верблюдовъ у Туркменъ и Кайсаковъ (у Каракалпаковъ ихъ нѣть), а на нашихъ верблюдахъ мы воротиться не можемъ: весной скотина тоща, особенно послѣ зимняго похода. Надобно кончить политическія дѣла, не только въ Хивѣ, но вѣроятно и съ Туркменами — словомъ, это не игрушка. Но все это, я увѣренъ, сдѣлается; только на это нужно время. Еслибы я былъ здѣсь нуженъ, или въ особенности полезенъ — я бы не жалѣль о томъ, что покинулъ престарѣлую мать и малолѣтнихъ дѣтенышей; а какъ я считаю себя почти излишнимъ, потому что каждый грамотный человѣкъ могъ бы написать 12 или 15 номеровъ бумагъ, которыя у меня о сю пору вышли, то по одному только этому

иногда невольно вздыхаю по своимъ. Вотъ почему я отнюдь не хотѣлъ быть въ числѣ охотниковъ, хотя и пошелъ охотно, когда сказано было: иди. Личная привязанность и благодарность моя за много добра заставляли меня почти желать, чтобы я при назначеніи этомъ не былъ обойденъ; а увѣренность, что во мнѣ не можетъ быть никакой нужды, побуждала отвѣтчать на вопросъ: хотите ли идти? — Какъ прикажите, какъ угодно.

Посланные впередъ для развѣдокъ Кайсаки привезли отъ Бизянова, изъ передоваго отряда, хорошія вѣсти: глубокій снѣгъ лежитъ только на четыре перехода отселѣ, а тамъ его меньше, и тебеневка изрядная. Кузминскій, слѣдующій за Бизяновымъ, вопіеть еще отячаннымъ гласомъ, но вѣроятно и онъ вскорѣ выберется изъ сугробовъ и оправится. Здѣсь всѣ бросили излишнюю поклажу свою; все укрѣпленіе завалено. Мнѣ остается только бросить ящики, которые вѣсять до 3-хъ пудовъ и переложить бѣлье и платье въ мѣшокъ — поклажи лишней

нѣть. Иные оставляютъ здѣсь даже бѣлье, беруть съ собою дюжину и даже менѣе рубахъ — на это я не рѣшаюсь; кинуть, такъ кинуть на дорогъ, гдѣ придетъ раздорожица, а бѣлья здѣсь не брошу. Судьба хранила меня доселѣ отъ всякихъ плотоядныхъ набѣговъ шестиногой пѣхоты, но у многихъ изъ товарищѣй моихъ большой и указательный персты правой руки исправляли должностъ удочки и таскали по вечерамъ бѣлорыбицу изъ подъ воротника рубахи.... Я увѣренъ, по опыту, что никогда и ни въ одномъ походѣ Русскій солдатъ не ъѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ нынѣ здѣсь; между тѣмъ имъ все мало. Ъдятъ какъ акулы, а работаютъ какъ мухи; они походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и не умѣющихъ заботиться ни о чёмъ. Все имъ въ диковину; вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышемъ и кизякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана. Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто качаль ихъ и прибаюкивалъ? Уральцы молодцы; ихъ

сують всюду, и всюду они успѣваютъ, и вездѣ ими довольны. Отборные Башкиры Ціолковскаго также молодцы; дивизіонъ 1-го полка воюетъ съ Кайсаками, отбиваетъ въ отрядъ верблюдовъ, гдѣ можетъ, и говоритьъ что покажеть себя въ дѣлѣ. Впрочемъ, маіоръ Давыдовскій, командующій имъ, прекрасный, благородный, заботливый человѣкъ; жаль только, что онъ самохваловъ не оставилъ въ Уфѣ. — Уральцы не съѣдаются казенной дачи, а линейные баталіоны, стоя 3 недѣли здѣсь на мѣстѣ, не могутъ утолить голода никакими средствами; что же будетъ, когда пойдемъ на половиной дачѣ? Впрочемъ, надобно сказать правду, отъ безпорядку при раздачѣ и по другимъ причинамъ, всякое стараніе, всякая забота главнаго начальника дѣйствуетъ не рѣдко въ превратномъ смыслѣ или видѣ, и никакой глазъ не можетъ усмотрѣть тутъ за порядкомъ во всѣхъ частностяхъ.

Завтра, 10-го, идемъ непремѣнно. В. А. остается еще здѣсь на нѣсколько дней и догонить насъ; колонна Гека также еще

остается. Морозы опять поправились; дня три все по 25°, но въ полдень солнце удивительно грѣть. Спасибо, нѣтъ вѣтру. Только бы до Усть-Урта, какихъ нибудь 250 верстъ, а тамъ не боимся ничего. Да, если бъ послушали меня глупаго, говаривала нянька Соломонида, были бы разумны; зимою надобно было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной или осеню эта дорога предпочтительна. *Madry liach poscodzie.* Слава Богу, добрая вѣсти отъ Бизянова, изъ передовой колонны, развеселили нѣсколько и В. А.; въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица вести на свой отвѣтъ столько народу!

Вечеромъ. Быль въ укрѣплениі, въ этой Капуѣ, и наглядѣлся всякой всячины. Примите къ свѣдѣнію, что при этой массѣ движущихся силъ, никогда не можетъ дѣло обойтись безъ всякихъ безпорядковъ, сколько начальникъ ни хлопочи, хоть онъ разорвись. Тутъ не только виноваты виноватые, но иногда и не виноватые; виновать случай и сплетеніе обстоятельствъ, напримѣръ: при новомъ

разсчетъ верблюдовъ кой–кого забыли вовсе. Тутъ съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостю требуютъ изъ укрѣпленія въ отрядъ 30 пудовъ сала, комендантъ плачетъ и отдаетъ послѣдніе 25 пудовъ; вѣшаютъ его, казакъ отмораживаетъ себѣ при этомъ палецъ, и лишь только сало это, взятое почти съ бою, привозится въ колонну, какъ уже возвращается назадъ, потому что въ колоннѣ отыскалось 100 пудовъ сала, о которыхъ по видимому позабыли. Не одно сало впрочемъ, и сухожильное мясо съ костями отыскивается иногда такимъ же образомъ: въ какомъ–то невѣдомомъ углу укрѣпленія, въ темной землянкѣ, нашлись сегодня 22 человѣка слабыхъ 1–го баталіона, о которыхъ также историческихъ, статистическихъ и географическихъ свѣдѣній не отыскалось. Кто жъ васъ продовольствовалъ? спросиль я. — Да мы посыпали каждый день человѣкъ трехъ, которые по крѣпче, и имъ отпускали, по маленьку, всего.... — Жаль, что въ отрядѣ недостаетъ многихъ лицъ и мѣстъ, къ которымъ привыкли на походѣ

всегда по разнымъ дѣламъ обращаться, зная уже, гдѣ и у кого чего искать. Нѣть начальника—штаба, оберъ—квартирмейстера, оберъ—проваіантмейстера и многихъ другихъ. Кромѣ того — позвольте сказать между нами правду — кромѣ немногихъ, людей нѣть....

11—го. Вчера, поздненько, сдѣлано было окончательное распоряженіе о непремѣнномъ выступленіи. У укрѣпленія осталось много сѣна; можно бы было прокормить ночью верблюдовъ и выступить сегодня въ порядкѣ, но сборъ пробили въ часъ и вскорѣ начали выступать. Всего приходилось пройти намъ до ночлегу версты двѣ, но давно уже смерклось, какъ, отъ безпорядку и излишняго порядка (то и другое одинаково неудобно) сотни выюковъ и верблюдовъ лежали еще на мѣстѣ и сотни валялись растянувшись на цѣломъ пути. Такимъ образомъ мы нынѣ повѣряемъ и считаемъ верблюдовъ и держимъ ихъ — со времени пригона съ пастбища — двое сутокъ тощакомъ. Если такъ будемъ идти, то не дойдемъ; въ этой печальной истинѣ я

вчера только, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ быль убѣдиться. Но въ этомъ случаѣ погубять нась не морозы, не снѣга, не трудность пути, а погубять двѣ крайности: одна лежить по одну сторону, другая по другую сторону порядка, этой души всякаго дѣла. Надобно во всемъ этомъ винить случай, трудность и новизну дѣла, трудность управления частями и цѣлымъ и сотни неустраниемыхъ помѣхъ. Довели, напримѣръ, главнаго начальника до того, что онъ хочетъ кинуть все, весь обозъ свой и, по собственнымъ словамъ его, записаться въ солдатскую артель: такой недостатокъ, говорять, въ верблюдахъ; а между тѣмъ вдругъ оказываются ихъ сотни лишнихъ подъ юлламами и разною дрянью возчиковъ—Кайсаковъ. Ну, полно объ этомъ; много будете знать, скоро состарѣетесь.... Поговоримъ о другомъ. Папа Пій VII—й вздумалъ угостить Эверсмана и другихъ сопутниковъ кофеемъ и сказалъ своимъ языкомъ казаку: тамъ слышь, лежить въ бутылкѣ кофе, сдѣтай. Казакъ сварилъ кофе, принесъ его, гости

стали наливать, положили и сахару, прибавили сливокъ — вкусъ, говорять, довольно странный и совсѣмъ не кофейный; нюхаютъ, прихлебываютъ — наконецъ приказываютъ принести бутылку, и оказывается, что козакъ сварилъ кофе изъ сухой ваксы....

Да, безначаліе худо, а многоначаліе мало лучше. Это то же многоженство. В. А. остался еще на время въ укрѣплениі. Начальники колоннъ были при выступленіі: Ціолковскій, Кузминскій, Толмачевъ и Мансуровъ; на мѣсто послѣдняго поступилъ давно уже Молостовъ; къ Кузминскому въ колонну отправился, еще съ Эмбы, генер. Толмачевъ. У насъ въ колоннѣ междуцарствіе. Ушли колонны: Бизянова и Кузьминскаго, и за нами выступаетъ Геке. Снѣгъ глубокъ, почти по колѣни, кормы покрыты, а верблюдъ кормится только тѣмъ, что сверхъ снѣгу; онъ не можетъ разгребать снѣгъ мягкими перстами своими и пяткой, какъ лошадь копытомъ. Я нѣсколько разъ говорилъ, еще во время стоянки нашей на Эмбѣ, что по нынѣшнему

состоянію верблюдовъ необходимо уменьшить выюки; теперь, кажется, опять заставить приступить къ пересыпкѣ провіанта для уменьшенія тяжести. Не дай только Богъ оттепели — тогда бѣда; морозы снова пріударятъ, и снѣга покроются черепомъ: вся скотина пропала; ноги верблюдамъ подрѣжетъ, а корму нѣть тогда вовсе. Теперь идемъ рядами, нитками, рядовъ въ пять, глубокими тропинками, протоптанными передовыми верблюдами; какъ верблюдъ оступится въ глубокій снѣгъ, съ жесткой тропы, такъ и полетить и уже рѣдко встаетъ. Выюки пригнанные здѣсь, въ укрѣплениіи, сдѣланы дурно, не впору, ни по сѣдлу, ни по верблюду, сваливаются, душать верблюда: очень естественно, этотъ родъ выученья съ кляпами, очень хорошъ, если пригнать тщательно каждый выюкъ отдельно; въ противномъ случаѣ не годится, а гораздо лучше выучить по киргизски, съ завязкой. Объ этомъ докладывалъ я, когда только узналъ, что дѣлаются въ укрѣплениіи выюки; дѣло кончилось бесѣдою, а теперь бѣда. О

Хивинцахъ ни слуху, ни духу. Лошади всѣ въ отличномъ тѣлѣ, какъ были выкормлены въ Оренбургѣ. Вынеси Господь насы на Усть-Уртъ; тамъ дойдемъ, дастъ Богъ; снѣга не могутъ быть тамъ глубоки, какъ здѣсь. По сю пору офицеры у насы всѣ здоровы, что будетъ впередъ!

Въ укрѣплениіи жгли мы, и гарнизонъ частію, башкирскія телѣги, ихъ остались тутъ тысячи; а если бъ вы видѣли, сколько тутъ брошено желѣза, шинъ, рваней, право страхъ сказать: вся степь или вѣрнѣе весь лагерь заваленъ. Вчера, 13-го, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Ціолковскаго командующимъ колонной вмѣсто захворавшаго Молосткова. Сегодня опять считали верблюдовъ, дневка; такъ считали, никакъ, сыновъ Израилевыхъ въ пустынѣ. Кули, благодаря Бога, пересыпаютъ. Вчера я было совсѣмъ разклепался, сегодня мнѣ хорошо, только поясница болитъ; но это болѣзнь на походѣ скучная, да не опасная. Вчера сидѣли мы всѣ пятеро въ юлламѣ своей вкругъ огонька, и Л. насы ужасно насмѣшилъ и распотѣшилъ. Въ чайникѣ

нашемъ была водка; выливши ее, мы положили въ него снѣгу, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л. ничего этого не зная взывълъ по верблюжьи и зарычалъ львомъ, когда голубое пламя внутри чайника стало пробѣгать по снѣгу. Мы съ своей стороны отвѣчали преспокойно, что это не диво и что здѣшній снѣгъ всегда горитъ. Ist es mГglich? WГre es moglich? Das wГre doch des Teufels — словомъ, у нашего ученаго умъ за разумъ зашелъ; онъ началъ доказывать, что въ снѣгу могутъ находиться горючія частицы щелока, и тому подобное, выскочила сломя голову изъ юлламы, ухватилъ, какъ вдохновенно бѣснующійся, комъ снѣгу и поднесъ его къ огню — но снѣгъ не загорался; рѣшено было, въ общемъ собраніи, что снѣгомъ топить нельзя, а надо запасаться дровами. Смѣшной случай этотъ напомнилъ мнѣ другой, подобной анекдотъ, видѣнныи и слышанныи мною у старика Паррота; онъ показывалъ намъ какой-то физическій опытъ и указалъ всѣмъ на желѣзную трубочку, изъ которой вода

должна ударить; началь качать, качасть, качаетъ — воздухъ шипитъ, а воды ни капли. Стариkъ обошель насось со всѣхъ сторонъ, осмотрѣль его, удивлялся, но счель наконецъ обязанностю объяснить ожидающимъ развязки ученикамъ причину неожиданного явленія, и прочель очень ученое слово о барометрическихъ, термометрическихъ и игрометрическихъ вліяніяхъ на насосы. Не успѣль однакоже кончить его, когда рябой и кривой прислужникъ его, знаменитый Кристьянъ, перебиль его преспокойно, замѣтивъ, что вода еще не налита. На дневкѣ сегодня поиграли мы съ Коваленскимъ и Сафоновымъ немного въ шахматы, но они оба слабеньки. Между тѣмъ другіе поднесли Л. баранью башку, увѣряя его, что это голова дикаго осла, найденная на древнемъ полѣ сраженія. Хорунжій Мулла—Нуръ между тѣмъ препоясывалъ чресла свои мечемъ—кладенцемъ, чтобы явиться къ новому начальнику, отцу и командиру своему.

VII.

18 Генв. На вчерашнемъ переходѣ встрѣтили мы больныхъ нашихъ съ Акъ—Булака. У меня сильно болить поясница, и я не могу еще сѣсть верхомъ, и лежалъ въ койкѣ на верблюдѣ; поэтому я не могъ самъ видѣть больныхъ, но, говорять, было страшно. Изъ Акъ—Булака отправлено ихъ 232 человѣка, а на дорогѣ, въ шесть дней, умерло изъ нихъ 46. Все цынга. Разумѣется, что тѣ, которые скончались дорогою, не долго прожили бы и въ цынготныхъ землянкахъ своихъ, въ Акъ—Булакѣ; а кто вынесетъ переходъ этотъ, можетъ надѣяться выздоровѣть. На Эмбѣ имъ будетъ лучше, они будутъ жить въ кибиткахъ. Дай Богъ скорѣе дотащиться.

На Усть—Уртѣ — бывало столь страшномъ — мы отдохнемъ. Не можетъ же быть, чтобы тамъ былъ такой снѣгъ. Здѣсь верблюдовъ посылаютъ на тебеневку съ лопатами, расчищаются напередъ снѣгъ. Коваленскій, о которомъ у васъ разнеслись какіе то нелѣпые слухи, ждетъ насъ въ Акъ Булакѣ, но, говорять, самъ болень. Моя болѣзни не пугайтесь; она мнѣ крайне

надоѣдаетъ, это правда, но извѣстный Drachenschuss, столь страшный по прозванію, какъ сами вы знаете, никогда не бываетъ опасенъ. — У насъ появилась дойная верблюдица; молоко очень хорошо, густо какъ сливки и солено.

22-го. Прошли знаменитыя горы Бакыръ и Али; до Акъ-Булака осталось намъ не болѣе 45 верстъ. Что за пустынныи печальный край! Здѣсь лѣтомъ одно только сухое море. Мысль цѣпенѣть, когда глазъ обнимаетъ на безконечное пространство сухую, чахлую, безводную и бесплодную почву. А зимой! Въ продолженіи двѣнадцати дней, съ самаго выступленія съ Эмбы, мы два только раза могли напоить лошадей; одинъ разъ въ дурномъ, соленогорькомъ озерѣ и вчера, у подошвы горы Али изъ родника, бѣднаго, но прѣснаго, хотя и напитаннаго гипсомъ. Верблюдовъ водятъ пасти съ лопатами, разгребаютъ для нихъ снѣгъ; но силь человѣческихъ не достаетъ на то, чтобы разгрести достаточное для нѣсколькихъ тысячи верблюдовъ пространство; снѣгъ

глубокъ, жестокъ, смерзъ и окрѣпъ, и притомъ спросите, что подъ снѣгомъ этимъ? — обвѣтритившійся мергель, гипсъ, сѣрая вакка, желѣзистая, разсыпная, и еще соленоватый иль; чернозему ни зерна. Ковыль (*stipa*) по сю сторону Эмбы появляется только изрѣдка на сопкахъ пригорковъ, а въ полѣ горькія польни, бѣдныя, мелкотравчатыя, да уродливыя солянки, разсѣянныя тутъ и тамъ нещедрою рукою, не могутъ покрыть собою ни одного фута земли. Это край, который лежить въ пустѣ цѣлые столѣтія, вѣроятно тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ обнажился отъ морскихъ волнъ. Кочевой Ордынецъ раннею весною торопливо и боязливо прогоняетъ по этимъ мѣстамъ тощіе стада и табуны свои, поспѣшая на Эмбу, въ Барсуки или въ Каракумъ, и считаетъ сыпучіе пески отраднымъ убѣжищемъ въ сравненіи съ этой могилой.... О Хивинцахъ ничего положительного не слышно; говорять, будто они выживаютъ насъ у Каратамака, у Давлетъ Гирея. Я этому не вѣрю; они не могутъ держаться столько

времени на одномъ мѣстѣ, не могутъ запастись продовольствіемъ. Говорять, у Акъ-Булака появляются по высотамъ конники и высматриваютъ чтль дѣлается; это можетъ быть. Для этого непріятель могъ оставить по дорогѣ полсотни двуконныхъ наездниковъ. Конечно надобно быть болѣе нежели скотомъ, чтобы не сдѣлать даже и этого; и журавли, и гуси, и олень ставить сторожей по высотамъ, чтобы не поддаться расплоху. Десять дней уже, какъ мы разлучены съ В. А.; сегодня онъ долженъ прибыть къ намъ, слава Богу. Онъ обрадуется: мы идемъ довольно хорошо, кидаемъ — въ одной нашей колоннѣ — ежедневно отъ 8 до 20 верблюдовъ, это правда; но благодаря Бога, подвигаемся впередъ. Весь путь усѣянъ падшими подъ ношей своей животными двухъ передовыхъ колоннъ. Въ Акъ-Булакѣ есть сѣно, изъ Акъ-Булака близко, не съ большимъ 400 верстѣ, до спуска съ Усть-Урта, и на этотъ путь намъ достаточно половины верблюдовъ, съ которыми вышли. Сей часъ закричали, что В. А. ѳдетъ; молодцы наши

глядѣли въ зрительныя трубы и увидали, какъ онъ спускался съ горы. Кругомъ въ лагерѣ козаки и солдаты запѣли пѣсни. Онъ выѣхалъ изъ укрѣпленія съ Бай–Мохамедомъ, надѣясь нагнать нась дня въ два; между тѣмъ мы ушли благополучно впередъ, и онъ былъ нѣсколько дней въ крайней нуждѣ: кромѣ черныхъ сухарей не было ничего. Вчера мы послали ему на встрѣчу мяса, вина и нѣсколько полѣнъ дровъ. О себѣ онъ всегда подумаетъ послѣ всѣхъ!....

28 Акъ–Булакъ. Какая огромная, неимовѣрная разница въ теплѣ, съ вѣтромъ или безъ вѣтру на свѣтѣ жить! Три дня жили мы здѣсь, по 19° , 20° , 22° , морозу и сильный NO вѣтеръ, безъ выюги; нельзя было вынести этого холода, и никакой огонь не спасаль; продувало всѣ шубы и всѣ кибитки. Сегодня тѣже 19° , но ясно, тихо — и мы ходимъ въ однихъ курточкахъ, и маленький огонекъ, на который искалоли нѣсколько опорожнившихся ящиковъ, грѣеть какъ нельзя лучше. 10–го мы наконецъ вышли изъ Аты–Якши, между

тѣмъ какъ Бизяновъ съ колонной своей выступилъ 2-го, а Геке послѣ насъ, кажется 16-го. Переходъ былъ труденъ: какихъ нибудь 170 верстъ или меньше, мы насили прошли въ 15 дней и прибыли сюда 25-го. Всѣ колонны шли также медленно....

На полпути отъ Эмбы прошли мы препорядочную гору Бакыръ-мѣдь, по Русски, потому что тутъ есть и мѣдная руда. За тѣмъ протащились съ большимъ трудомъ чрезъ гору Али, въ снѣгу по колѣна. Орудія опять поставлены на колиса: на саняхъ тяжеле, потому что въ такомъ непомѣрномъ снѣгу они орутъ, какъ плугъ, а колеса идутъ накатомъ, и передъ ними не накопляются горы снѣгу. 12-ти фунтовыя идутъ въ 8 лошадей, и не рѣдко люди помогаютъ. Въ ящикахъ идутъ верблюды и лошади; но вообще верблюдъ везеть хорошо только по ровному, не топкому мѣсту. Одну Крымскую арбу оставили мы на Эмбѣ (Аты-Якши), другую изрубили дорогою на дрова: верблюды стали, а въ саняхъ идутъ изрядно, если сани легки. Погрѣлись мы около арбы этой

и жгли рѣдкій и здѣсь небывалый лѣсъ, какъ простую чилигу: яворъ, грабъ, букъ, кизылъ, караичъ. Первые три недѣли мы, по глупости своей и по избытку совѣсти, жили безъ огня, безъ всякаго удобства; нынѣ все это измѣнилось къ лучшему: мы воруемъ дрова и уголь не хуже всякаго. Взгляните напримѣръ въ эту минуту въ юлламу нашу: на дворѣ еще свѣтлый день, а у насъ темная ночь, все кругомъ закутано и закрыто, ни щелки, ни дырочки; по срединѣ лежитъ желѣзная шина: это чуваль нашъ или каминъ; среди шины тлѣть изрядная кучка угляевъ, рядомъ лежитъ вязанка сухихъ дровецъ, изъ окрашенныхъ ящиковъ и номерованныхъ бирокъ, которыми хотѣли было отмѣтить верблюдовъ; но скоты эти всѣ захотѣли быть рядовыми, безъ отличія, и хозяева ихъ, будучи того же мнѣнія, оборвали съ нихъ въ первые два перехода всѣ знаки безпорочной службы...

Я писаль вамъ, что укрѣпленіе на Эмѣ довольно благовидно, землянокъ много, и они довольно опрятны; кровли и будки

лубочныя, есть магазины, амуничники. Акбулацкое совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: большой, бастіонированный редутъ разгороженъ валомъ и рвомъ и 3/4 его покинуты; землянки бѣдныя, по стѣнамъ цвѣтеть селитра и магнезія; половина ихъ разломаны уже по недостатку дровъ и сожжены; словомъ, не грѣхъ покинуть укрѣпленіе это.... Между тѣмъ дунуло и потянуло ночной вѣтерокъ отъ НО; это произвело небольшое разстройство въ угодьѣ и раздолѣ нашемъ. Юлламейка вдругъ остыла, и термометръ, показывавшій прежде на ящикѣ моемъ 7°, стоить на — 3°. Покинувъ писаніе, напились мы въ буфетѣ чаю и наслушались жаркихъ преній, споровъ о родствѣ и свойствѣ и происхожденіи знаменитѣйшихъ вельмож нашихъ и столбовыхъ, столичныхъ дворянъ и гвардейскихъ разсказовъ объ актрисахъ. Сказать ли вамъ, между нами, что бы я сдѣлалъ теперь на мѣстѣ нашего старшаго? Намъ дорогъ каждый кусокъ хлѣба и каждый верблюдъ, который можетъ поднять какую нибудь ношу; больныхъ,

какъ излишнюю тягость, на этомъ трудномъ походѣ отправляютъ обратно; съ ними-то вмѣстѣ, я отправилъ бы и всякую иную лишноту. Пересчитайте хорошенько, и вы согласитесь, что ея довольно; тогда бы много штабъ и оберъ-офицерскихъ и деньщичьихъ пайковъ пошли бы на строевыхъ, много верблюдовъ подъ сухари и крупу, облегчилося бы и сердце начальника тяжче; заботою меньше. Мысль эта, можетъ быть, нѣсколько себялюбива, потому что я и себя считаю въ числѣ этой лишноты; но право, я говорю болѣе изъ любви къ пользѣ общей. Теперь слово о другомъ: нѣсколько нижнихъ чиновъ (изъ пѣхоты) умерли почти скоропостижно; ихъ схватываетъ подъ ложкой, дыханіе съ минуты на минуту болѣе затрудняется, иногда еще присоединяются корчи и — аминь. Aroplexia ruitponum? Кровопусканія временно облегчаютъ. Впрочемъ, я только видѣлъ ихъ мимоходомъ — пользуютъ другіе. Но я волей и неволей очень плачевнымъ образомъ попалъ во врачи. В. А. прїхалъ съ Эмбы очень нездоровый. Загадочная

болѣзнь его возобновилась⁽³⁾. Что тутъ дѣлать, на походѣ, когда и на мѣстѣ ничего не помогало?

VIII.

3-го Февр. В. А. не уѣдетъ прежде чѣмъ не успокоится на счетъ общаго отправленія. Тутъ по крайней мѣрѣ у насъ есть хлѣбъ, и есть кой какія средства и пособія въ рукахъ; напереди — одна гибель. У насъ теперь падаетъ до 150 и не менѣе 100 верблюдовъ въ сутки; это на мѣстѣ, безъ работы, что же было бы на походѣ? Долго мы обманывали сами себя, никто не смѣль думать, не только говорить о возвратѣ; я записалъ однакоже, самою мелкою и нечеткою рукой, въ записной книжкѣ своей, 10 го Генваря: въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ; верблюды такъ плохи, что не дойдешь. В. А. сильно колебался, сомнѣвался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго; всѣ полагали, что идти надобно, что возвратиться никакъ и ни въ

(3) Болѣзнь легкихъ, слѣдствіе тяжкихъ физическихъ лишеній и ранъ, и отчаинна я тоска . Гр. Перовскій и умеръ отъ этой болѣзни. Слич. Р. Арх. 1865, Изд. 2-е, стр. 1031.

какомъ случаѣ нельзя, если бы даже положить гльовы; эту справедливость надобно отдать по крайней мѣрѣ большей части офицеровъ — и на этомъ основаніи отвѣчали всегда только увѣреніями и убѣжденіями; даже тѣ, которые сами были увѣрены въ невозможности, говорили безотчетно противное. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что надобно было двигаться впередъ, когда сосчитали верблюдовъ, сочли убыль и разочли, что надобно поднять — тогда горестная истина обнажилась и несбыточность заняла мѣсто надежды. Съ Эмбы пало у насъ 2000 верблюдовъ; скажу вамъ, не отвѣчая за истину этого, что говорять сами Кайсаки: до 1000 верблюдицъ между прочимъ ожеребились на походѣ, и естественно, что они уже изъ счету вонъ. Эти верблюдицы, равно и много плохихъ верблюдовъ, говорятъ Кайсаки, были подмѣнены послѣ того, какъ вы ихъ изволили осматривать; это, говорятъ они, случилось почти со всѣми верблюдами, которые съ наемщиками, а не съ хозяевами. Впрочемъ,

повторяю, и лучшіе верблюды не выдержали, и къ веснѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будуть еще слабѣть и худѣть до новаго подножнаго корму... — Убитые у Акъ-Булака Хивинцы доказываютъ собою, что сборы у нихъ были большіе; во 1-хъ, это не Кайсаки, а Хивинцы, Туркмены и Каракалпаки — ихъ отличаютъ по одеждѣ и въ особенности по шапкамъ; во 2-хъ, всѣ были одѣты необыкновенно тепло, на всякомъ по шести и семи халатовъ, рубаха или нижній стеганный халать, стеганные наушники и портянки. Наездники дѣйствительно сидѣли на аргамакахъ, изъ нихъ также одинъ остался на полѣ битвы. Больныхъ у насъ — въ особенности въ укрѣпленіяхъ — много; всего до 600 челов. Изъ 1500 казаковъ, включая туда и артиллерію и дивизіонъ 1-го полка, которые совсѣмъ не казаки, убыло больными и умершими около 60; а изъ 2750 чел. пѣхоты слишкомъ 600. Люди 1-го полка также очень болѣютъ и увеличиваются въ кавалеріи число больныхъ. Уральцевъ, кромѣ пяти, шести человѣкъ съ

отмороженными перстами и съ ознобами, больныхъ нѣть. Доселѣ замерзъ у насъ одинъ только солдатъ, и то здѣсь, на Акбулакѣ, ушедши въ буранъ за дровами. Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переносить стужу эту и недостатокъ топлива; у насъ сегодня, Зго Февр. опять — 29° , и уже около двухъ недѣль все 22 и 247. Дровъ нѣть. Сожгли лодки, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно не только одѣть и обуть, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варять на камышѣ кашу, какъ ставять котелки въ одинъ рядъ и отгребають золу и прочее. Не смотря на все это, надобно сказать правду: даже и пѣхота наша повѣсила нось, когда объявили приказъ о томъ, чтобы повернуть оглобли; казаки просились убѣдительно, чтобы ихъ пустить однихъ, и старикъ Бизяновъ даже самъ увлекся неумѣстнымъ пыломъ этимъ и хотѣль кончить походъ двумя полками Уральцевъ; только убѣдившись, что верблюды наши не

донесуть до Хивы продовольствіе даже и для двухъ полковъ и что вся остальная часть отряда была бы не въ состояніи дойти до Эмбы, еслибы отобрать всѣхъ лучшихъ верблюдовъ, онъ увидѣлъ несбыточность своихъ предположеній и вспомнилъ атамана Нечая и думнаго дьяка его, котораго, какъ извѣстно, повѣсили на Дьяковыхъ горахъ, противъ Рубежнаго, за то, что онъ не хотѣлъ идти на Хиву, а впослѣдствіи отрядъ погибъ тамъ до послѣдняго человѣка, на обратномъ пути. Теперь тоже: дойти двумъ полкамъ можно — но назадъ какъ? Набѣгъ можно сдѣлать за три, четыре перехода отъ операционной точки своей, но не за полторы тысячи. Чихачевъ у насъ одинъ изъ полезнѣйшихъ людей въ отрядѣ; онъ взялъ на себя самую тяжелую, въ военное время и самую неблагодарную часть: попечительство о больныхъ. Онъ возится съ ними день и ночь, не ъѣсть, не спить, и успѣлъ многихъ накормить, которые безъ него вѣроятно остались бы голодны, и обогрѣть такихъ, которые бы замерзли. Намъ жаловаться не на что; въ сравненіи съ

рядовыми, мы знаемъ всѣ трудности похода своего только по наслышкѣ. Бай Мохамедъ, когда требовали чтобы онъ сказалъ положительно мнѣніе свое о верблюдахъ нашихъ, по прибытіи на Акъ Булакъ, отвѣчалъ: «надежнаго на весь путь вербюда я не видаль ни однаго.» Къ этому онъ прибавилъ, что въ такую жестокую зиму, верблюды дохнуть сами по себѣ, на мѣстѣ, безъ работы, не только на походѣ и подъ выюкомъ. Мы покидаемъ на Акъ Булакѣ болѣе 1000 четвертей, частію и розданныя, кому было угодно, не въ зачетъ. Еслибы у насъ не было на Эмбѣ продовольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю какъ бы мы дошли домой; кажется, не дошли бы вовсе. Я во всю жизнь свою, сколько помню, видѣлъ только разъ или два побочныхия солнца, которыя всегда предвѣщаютъ жестокія стужи; нынѣ явленіе это было во всю зиму такъ обыкновенно, что подъ конецъ не обращало на себя почти никакого вниманія. Нѣсколько разъ, при самомъ восходѣ солнца, являлось въ одну секунду три солнца на горизонтѣ.

14-го Февр. Въ Дебатахъ (Journal des Debats) и другихъ газетахъ, которыя до насъ доходятъ, пишутъ всякую всячину. Общаго только то, во всѣхъ разсужденіяхъ этихъ, что называютъ отрядишко нашъ арміею, не вѣрять, чтобы онъ состоялъ только изъ 20-т. человѣкъ; говорять, что резервная армія идетъ еще сзади и что вся степь сѣла на коня, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нами набѣгъ на среднюю Азію. Газетчики не догадываются вовсе, что у насъ всего на все, съ деньщиками, съ фурлейтами, не было полныхъ пяти тысячъ челов.; что весь Оренбургскій корпусъ, хотя и называется корпусомъ, по составу своему отвѣчаетъ только одной слабой армейской дивизіи; что вся помощь, которую въ крайнемъ случаѣ, можно бы еще получить съ линіи въ пѣхотѣ, состоитъ, по вѣрнѣйшимъ расчетамъ, изо ста человѣкъ, и то съ тѣмъ, чтобы замѣнить еще нѣсколько карауловъ Башкирами и прикомандировать часть инвалидовъ въ баталіоны...

Какъ различны обнаруживающіяся на разныхъ лицахъ впечатлѣнія, отъ неудачи настоящаго Хивинскаго похода! Насъ всѣхъ можно, въ этомъ отношеніи подвести подъ три главные разряда. Одни горюютъ, понимая всю важность неудачи при нынѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ самомъ дѣлѣ былъ бы теперь, когда Англичане заняли Кабулъ, очень во время и у мѣста; намъ бы придало дѣло это много вѣсу, въ Азіи и въ Европѣ. Другіе — человѣка два, не болѣе, — соболѣзнують, собственно по привязанности своей къ главному начальнику, о немъ; также о необыкновенныхъ условіяхъ края, о потерѣ людей, а нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что все предпріятіе это, считая и Башкировъ, возившихъ лѣтомъ продовольствіе, будетъ стоить почти 1000 человѣкъ. Третіи наконецъ, и этотъ разрядъ самый обильный, не могутъ скрыть негодованія своего на счетъ обманутой надежды своей — не надежды увидѣть Россію первенствующею въ Средней Азіи

державою, какъ политическое положеніе и достоинство ея требуютъ; не надежды увидѣть смѣлый и славный ударъ благополучно исполненнымъ — а надежды на чинъ и кресть. «Чортъ меня понесъ, зачѣмъ я пошелъ!», эти восклицанія можете услышать частенько; потомъ разсужденія, что, не смотря на неудачу, труды и лишенія были у насъ все тѣ же, что это де заслуживаетъ уваженія, и что вообще весьма несправедливо принято у насъ награждать за одну удачу, хотя бы трудовъ было не много, а оставлять безъ вниманія неудачныя предпріятія, хотя бы они были труднѣе кампаніи 12-го года.

20-го Февраля 1840. Сидимъ на Эмбѣ и надѣемся, со дня на день, увидѣть весну; между тѣмъ вчера и сегодня — 25°. Я сдѣлалъ сегодня разсчетъ, взяль среднее состояніе тепла во время экспедиціи Берха, и нынѣшней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее 15 1/2-о; у насъ, за 94 дня, съ 19 Ноября по 20-е Февр. круглымъ числомъ приходится почти по 19° на день. Какъ у Берха, такъ и у

нась, браль я изъ ежедневныхъ наблюденій только одно, самое большее число. Слишкомъ три мѣсяца сряду, по 19° кругомъ на день!! Вчера начали мы праздновать маслиницу: блины, по недостатку здѣсь сковороды, пеклись на жестянныхъ тарелочкахъ, собственно по моему изобрѣтенію и предложенію, и мы выслушали при этомъ всѣ подробности родословной тарелокъ этихъ и узнали, какъ это сказано было намъ утвердительно и подтверждительно, что тарелки англійской жести, настоящей англійской двойной. Почтенный сожитель нашъ Молостовъ вчера отправился въ колонну: онъ идетъ на линію, вмѣстѣ съ прочими отпущенниками. Чихачевъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и отказался. Ему конечно все равно, гдѣ зимовать и лѣтовать. Путнику по званію съ чужбины домой ъхать не за чѣмъ...

5–6 дней провели мы въ укрѣплениіи тепло и, можно сказать, пріятно. Много было шутокъ и смѣху; В. А. спокоенъ и иногда довольно весель... Не по моему

вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спимъ по неволѣ долго послѣ обеда. По неволѣ, говорю, чтобы не мѣшать другимъ, ляжишь, лежиши часа два, три тихохонько и уснешь. Превратная жизнь эта непремѣнно разстраиваетъ здоровье; сидѣть за полночь обращается въ привычку; человѣкъ уже не можетъ заснуть ранѣе, тревожное веселье, готовность сидѣть и любезничать ночью, является у насъ на счетъ утренняго здоровья, и мы встаемъ въ десятомъ часу съ тяжелой головой и тусклыми очами; человѣкъ дѣлается, послѣ ночнаго отдыха, смутнымъ, невеселымъ: и только къ ночи состояніе его дѣлается опять спокойнѣмъ, чувства его въ своей тарелкѣ, и онъ здоровъ. Это состояніе обманчивое, лживое, разстроенное; человѣкъ здоровый душой и тѣломъ чувствуетъ себя утромъ, послѣ законнаго отдыху, въ естественно веселомъ расположениіи и въ силахъ. Ночное здоровье есть только слѣдствіе превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевѣсу ея надъ тѣлесною. А этого

быть не должно: одно равновѣсіе спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла рѣчь о плачевныхъ опытахъ нашихъ при неудачномъ предпріятіи и о томъ, кто, какъ, чѣмъ и на сколько отъ этого поумнѣлъ. Всѣ видѣли огромное затрудненіе пройти съ войскомъ 1500 верстъ по безпріютному пространству и нести непомѣрное количество продовольствія съ собою. Хотѣли избѣгнуть большей части неудобствъ, пустивъ войска впередъ, а продовольственные караваны отдельно. Изъ этого однакоже возникаетъ тоже самое затрудненіе, еще въ бльшай степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новыя силы, а для нихъ также свое продовольствіе, свои обозы и караваны. Говорили также, что отрядъ должно пустить, для облегченія хода и добывки фуража, не одною, а двумя различными дорогами — на Сарайчикъ и на Сыръ. Кажется, при этомъ не разчитали, что тогда необходимо дѣлать два склада, одинъ вовсе отдельно отъ другаго, особыми

средствами, и что все это будетъ стоить двухъ экспедицій вмѣсто одной. Я думаю такъ: главнѣйшія затрудненія: 1. снабженіе отряда продовольствіемъ и 2. разный маршъ, передвиженіе войска въ отдаленный край. Все остальное, какъ то: охраненіе каравана, побѣда надъ непріятелемъ, и прочее, все это обстоятельства второстепенныя, потому что представляютъ несравненно менѣе затрудненій. Основываясь на помянутыхъ двухъ главнѣйшихъ началахъ, должно ограничиться возможно меньшимъ количествомъ войскъ, а слѣдовательно ни подъ какимъ видомъ не увеличивать числа его, помнить, что каждый человѣкъ требуетъ, для шестинедѣльного продовольствія здороваго, сильнаго верблюда; и второе, устроить все такъ, чтобы не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, а идти ходко, спѣшно, до самаго мѣста; не строить дорогою колоннъ, которыя очень красивы въ чертежной, на бумажкѣ, но неисполнимы на дѣлѣ, замедляютъ до неимовѣрности ходъ,

изнуряютъ людей и верблюдовъ и не ведуть ни къ чему; а наконецъ, коли найдутся способы доставить все необходимое въ Сарайчикъ, то привести и все войско туда; оно выиграетъ этимъ путемъ — предполагая, что пойдутъ зимою (а это необходимо, для воды) верстъ 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдеть столькоже лишней въ своемъ краю. Но 300 вер., выигранныя въ первомъ случаѣ, дороже 400 домашнихъ. Если же З-т. человѣкъ здоровые прибудутъ въ ханство съ продовольствиемъ на шесть недѣль, то дѣло наше выиграно, и зная непріятеля и всѣ обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возраженій можно сдѣлать много; отвѣчаю на все это, что нѣть войны безъ авось, и здѣсь оно также занимаетъ свое обычное мѣсто; но соображаясь со всѣми данными, ограничиваясь возможнымъ и истиннымъ, придерживаясь не сѣрой теоріи, не зеленыхъ предположеній и умозрѣній, а опыту, надобно, при новомъ предпріятіи признать основными началами: 1, какъ можно менѣе людей; 2, ускорить ходъ, идти

во всѣ лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыху зимой не поправляются, а худѣютъ; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4, уменьшить (и это относится уже къ 1—му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословіе г. г. бездѣльниковъ: т. е. всѣхъ, которые безъ вреда отряду могутъ быть оставлены, оставить дома, а лучше дать имъ крестъ за доброе сидѣніе на мѣстѣ. Кромѣ неудобствъ материальныхъ, происходящихъ отъ присутствія этой лишноты, есть еще вредъ нравственный, и онъ опаснѣе первого. Еще важнѣйшее правило на будущее время, выведенное къ несчастію также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда. Верблюдъ индюшка, животное кволое,

нѣжное, любить тепло, гибнуть оть стужи; онъ выручить изъ бѣды и пробудеть три, четыре дня безъ пищи тамъ, гдѣ настоить дѣйствительная крайность, если его беречь и холить и кормить напередъ и удержать въ тѣлѣ до этой критической минуты.... Очень знаю всѣ неимовѣрныя трудности присмотрѣть надлежащимъ образомъ за такимъ огромнымъ количествомъ скота, и еще на походѣ, гдѣ всякий по по неволѣ заботится о себѣ, старается отогрѣться, наѣсться и отдохнуть; но тѣмъ менѣе можно пренебрегать этимъ, тѣмъ болѣе должно стараться за скотомъ смотрѣть хозяйственнымъ, а не казеннымъ глазомъ. Къ несчастію намъ теперь, когда мы въ дѣйствительной крайности, нельзя уже беречь верблюдовъ, а остается почти только доканать ихъ въ конецъ. Перевозка продовольствія, доставка топлива, все это прогулка въ оба конца верстъ въ 40, 50, 60 — двои сутки усиленнаго перехода, безъ всякаго корму, потому что его близъ укрѣпленія нѣтъ ни зерна, ни былинки, это свалить съ ногъ здороваго и

заморить сытаго, а тощаго уложить на дорожкѣ и свернуть ему, на послѣдушкѣ, голову подъ крыло. Нынѣшній походъ сталъ казнѣ съ небольшимъ 1 1/2 миллиона; а если оцѣнить все что сдѣлано мѣстными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15 ю миллионами. Одни верблюды, которыхъ по доброй волѣ нельзя купить за деньги, одни верблюды по оцѣнкѣ стоять полтора миллиона; а доставка продовольствія Башкирами, если бы произведена была наймомъ, должна стать шесть миллионовъ, но и тутъ опять нѣтъ сомнѣнія, что деньгами сдѣлать этого нельзя; нѣтъ возможности отправить изъ Оренбурга 12-т. наемныхъ телѣгъ, если ихъ не выписать изъ Русскихъ губерній, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клалъ по 500 р. на ямщика....

IX.

21-го. Празднуемъ маслянницу блинами, и блины Ѣдимъ съ яйцами, съ лукомъ, съ масломъ, съ свѣжей икрой. Впродолженіе недѣли что стоимъ теперь на Эмбѣ, въ землянкѣ нашей ночь и день не слыхать

почти другаго слова, какъ расчеты четвертей, гарнцевъ, пудовъ и фунтовъ. В. А. перечитываетъ между тѣмъ, лежа подлѣ, Пугачева и Арабески, единственныя книги, которыя кто—то завезъ на Аты—Якши. У меня взято книгъ съ пятокъ, которыя могутъ быть перечитаны по нѣскольку разъ, напр. Шекспиръ, Фаусть; но и чтеніе надоѣдаетъ, недостаетъ терпѣнія: какое—то безотчетное беспокойство отвлекаетъ мысли и иногда, схвативши ружье, съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжишь пострѣлять черныхъ жаворонковъ и подорожниковъ, которыхъ вокругъ укрѣпленія множество. Разсчеты эти вслухъ, впродолженіе цѣлаго дня, наводятъ въ тѣсной землянкѣ тоску. Въ десятый разъ рассчитали сейчасъ, что у насъ продовольствія станетъ мѣсяца на три — очень утѣшительно; хоть бы его не было вовсе, такъ поскорѣе бы ушли!

Кто—то замѣтилъ сегодня въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ на лицѣ перемѣнилась третья и четвертая шкура; В. А. на это замѣтилъ: «да, удивительно;

всѣ мы, не смотря на безпримѣрные, жестокіе морозы, возвращаемся съ носомъ».... Завтра Ѣдемъ съ В. А. въ отрядъ, верстъ за 30, провожать отправляющійся во свояси дивизіонъ; тамъ опять воротимся, и тогда уже предположено заняться по вечерамъ пятьюдесятью двумя разбойниками. Прибѣжище конечно жалкое, но дѣлать нечего; гарнцы, четверики и четверти хуже и несноснѣе картъ.... Расчетъ за 101 день нашего похода, даетъ равно 18° холоду на день. Морозы все продолжаются 26°, 18°, 16°, а между тѣмъ соки во всѣхъ кустарникахъ уже ударили изъ корней въ стволы и сучья; дрова наши такъ сыры, что почти не горятъ, одинъ только дымъ и паръ; на дняхъ поймали тушканчика, который видно проснулся не по погодѣ, а по числамъ, надѣялся встрѣтить въ концѣ Февраля весну. Леманъ нашелъ уже 3-хъ, 4-хъ живыхъ жуковъ; словомъ, по всему весна, еслибы только не морозъ, не снѣгъ по колѣно, да не буранъ, который теперь ежедневно разыгрывается и бушуетъ съ

ужасной силой. Я сегодня также сдѣлалъ разсчетъ больныхъ и умершихъ; вотъ что выходитъ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга: 2,928 челов., казаковъ Уральскихъ 1,204; дивизіонъ 1-го полка 219 чел.; Башкировъ и Оренбург. казаковъ, по поламъ, 345 челов., конныхъ артиллер. (казаковъ) 141, гарниз. артилл. 112. Больныхъ было: 1,308; выздоров. 909; отправлено въ Оренб. и Защиту 56, умерло 139, состоитъ 304. Въ укрѣплениіи былъ кромѣ того свой гарнизонъ, были обозы Башкировъ и свои госпитали; въ Эмбенскомъ пѣхоты переболѣло 830 челов. (слѣдов. каждый обратился по нѣскольку разъ въ госпиталѣ), умерло 154; умерло еще разной команды, частію переданной изъ отряду — всего: состояло 1,450; выздоров. 750; умерло 247. Поэтому въ отрядѣ изъ пѣхоты, болѣль второй человѣкъ, изъ дивизіона 1-го полка второй, изъ Башкировъ 10-й, изъ Уральскихъ казаковъ 52-й!! Объ Оренбургскихъ казакахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго расчета, потому что они же были и

въ укрѣпленіи, и свѣдѣнія перемѣшаны; но болѣль, видно, около 10-го. Умерло: въ пѣхотѣ 24-й изъ здоровыхъ, въ дивизіи 24-й, въ Башкирахъ, всего 170 челов., умершихъ нѣть; у Уральцевъ умеръ двухъ—сотый! Если къ этому еще пояснить, что 170 Башкировъ были выбраны молодые, здоровые ребята изъ лучшихъ кантоновъ, что даже пѣхота была пересортирована въ Оренбургъ и много слабыхъ и ненадежныхъ оставлено, а что Уральцевъ напротивъ выставили сюда поскребышей, безъ всякаго разбора, старого и малаго, потому что у нихъ уже 3 полка ушли на службу, кромѣ команды въ Москву, линейцевъ, и пр. пр.: то нельзя не удивиться этой необыкновенной породѣ, которая выростаетъ среди тяжкихъ трудовъ своего промысла и свыкается заранѣе съ тугой, съ голодомъ и холодомъ. Да, храбрѣйшая сторона нашего несчастнаго похода (или горемычнаго лучше сказать, потому что горе мыкали всѣ, а бѣды не видали) храбрѣйшая часть, это бодрый духъ и пѣсни Уральцевъ во всякое время, во всякую

погоду въ 20 и въ 32 градуса, въ ведро и въ ненастье, въ буранъ, который заносить снѣгомъ горло и глотку. Посмотрѣли бъ вы, какъ они проводили масляницу; было 16° и сильный буранъ; а у нихъ съ утра до ночи пѣсни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома, подъ качелями. Тroe сѣли на одну лошадь, одинъ задомъ, одинъ передомъ, одинъ бокомъ, обѣхали съ пѣснями лагерь и прощались съ масляной, раскланиваясь всѣ во всѣ стороны. Потомъ явился медвѣдь съ поводатаремъ; тотъ плясалъ, а этотъ приговаривалъ и лупилъ его хворостиной по бокамъ, такъ что и медвѣдь обругался наконецъ вслухъ по Русски. Тамъ возили другъ друга въ саняхъ, съ пѣснями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись, и раздѣвались для этого до рубахи. Передъ пьянымъ было у нихъ положено сымать шапку, и тверезый долженъ ему говорить: ваше благородіе.... Ждемъ, не дождемся, будетъ ли нѣтъ ли нынѣ весна? Жучьки оживаютъ, тушканчики просыпаются, овцы — по

словамъ Кайсаковъ — дней черезъ 10 должны ягниться, а сегодня 18° , снѣгъ лежитъ въ аршинъ, крѣпокъ, жестокъ, рѣки промерзли до дна, рыба во льду окаменѣла. Уральцы предсказываютъ, что зима будетъ стоять здѣсь до 25—го марта; у нихъ на это свои примѣты; пасха поздняя, февральское свѣтило (луна), свѣтить въ Мартѣ и пр; но обстоятельство заслуживающее вниманіе: они говорятъ, когда рога луны круты, непремѣнно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называютъ они обращенные нѣсколько вверхъ; нынѣ было полное лунное затмѣніе, луна, если я не ошибаюсь, была въ узлѣ, и — кажется — рога ея именно тогда и должны быть обращены къ верху, потому что она восходить по орбите своей вверхъ. Можетъ быть, дѣйствительно при такомъ положеніи луны зима всегда строгая, надобно бы справиться за нѣсколько лѣтъ назадъ. Такимъ образомъ нерѣдко народное повѣрье основано на какомъ нибудь смыслѣ, хотя и кажется съ первого взгляда суевѣріемъ, безсмыслицею. Если

невѣжественная чернь неистовствуетъ безсмысленно какъ звѣрь, разъяренный всякимъ сопротивленіемъ и препоною, если толпа, повторяя слѣпо и глухо восклиchanія глашатаевъ, которые кричать для того только чтобы ихъ слышали, требуетъ безсмыслицы, то я не вѣрю поговоркѣ: гласъ народа, гласъ Божій; а держусь тогда другой: мужикъ уменъ, да міръ дуракъ. Тоже сказалъ, помнится, гдѣ-то Шиллеръ: *Einzeln ist jeder der Herrn leidlich gescheidt und vernBnftig; sind sie beisammen gleich wird auch ein Dumkopf daraus!* Но я вѣрю преданіямъ, повѣрьямъ, обычаямъ, иногда и суевѣрьямъ; я вѣрю имъ столько, что не рѣшусь осмѣять ни одного, не изслѣдовавши его, не дошедши, по крайнему разумѣнію своему, до начала и корня, до смысла и значенія его. Не вѣрьте, если вамъ кто скажеть, что въ народныхъ бредняхъ нѣтъ смысла и значенія; по крайней мѣрѣ изо ста повѣрьевъ найдется, на первый случай, не болѣе пяти, шести, въ которыхъ мы не въ состояніи добиться до смыслу, да и тутъ еще спрашивается, гдѣ

вина: искажено ли повѣрье временемъ и случаемъ, такъ что его нельзя узнать въ лицо, основано ли на утраченныхъ обычаяхъ и забытыхъ обстоятельствахъ, или просто мы слишкомъ удалены отъ понятій того сословія, которое держится повѣрья. Всѣ другія заключаютъ въ себѣ толкъ, иносказательный, или прямой; даже обычай не класть хлѣба на круглую корку, грѣшно, означаетъ, другими словами вѣроятно вотъ что: положи свѣжій хлѣбъ на круглую корку, то она отстанеть, а потомъ плѣсень вскорѣ сядетъ и угнѣздится между мякишемъ и коркой. Объ этомъ предметѣ шель у насъ (В. А. НН и я) намедни предлинный разговоръ и бесѣда. Съ отбытиемъ Молоствова, В. А. взяль насъ обоихъ къ себѣ въ кибитку и какъ онъ поздно ложится, то есть время побесѣдоватъ вечеркомъ, когда воображеніе разыгрывается и охотно береть верхъ надъ сухимъ и холоднымъ разсудкомъ. Мы рѣшили между прочимъ, что сонъ самая загадочная вещь въ природѣ человѣка, а бдѣніе, бодрость души во время сна,

непостижима; но все это вы знаете также, какъ и мы, и ждете вѣроятно отъ меня не метафизическихъ разсужденій съ береговъ пустынной Эмбы, а дѣла. Скажу жъ вамъ, что Бай–Мохаммедъ на дняхъ отправляется съ тремя сотнями Уральцевъ и горнымъ единорогомъ собирать верблюдовъ, потому что мы сидимъ на мели, подняться не чѣмъ, едва смогли перетаскать изъ укрѣпленія большую часть продовольствія въ отрядъ, и то большею частію на казачьихъ лошадяхъ, да переморили при этомъ послѣднихъ верблюдовъ, на разстояніи 30 верстъ. Уджрайцы и нѣкоторыя другія племена къ счастію не дали верблюдовъ, когда былъ общій сборъ; теперь есть притирка, и ихъ обдеруть — если только захватять, какъ надѣемся, на зимовьяхъ. У насъ едва осталось 700 годныхъ верблюдовъ, да и тѣ вѣроятно скоро откажутся, хотя и оставлены, по необходимости, при отрядѣ, для подвозки дровъ; остальные, все инвалиды на голо, отосланы на дальнія пастбища, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ поправятся къ веснѣ. Много

верблюдовъ отморозили себѣ лапы; многихъ обули въ кенъги и полусапожки, но врядъ ли это поможетъ: уже поздно. По прибытіи нашемъ въ Оренбургъ, вы увидѣте у Житкова въ альбомѣ, какими мы уродами здѣсь ходимъ... Разсчетъ мой относительно смертности въ пѣхотѣ не вѣренъ; гарнизоны обоихъ укрѣпленій состояли въ числѣ 2930 человѣкъ пѣхоты, а всего умершихъ до 400, слѣдовъ, умеръ почти седьмой изъ здоровыхъ, въ 3 мѣсяца, а изъ Уральцевъ двухсотый....

1 Марта 1840. Градусовъ не много, 8; но сильный буранъ. Третьяго дня добрый, почтенный священникъ нашъ поѣхалъ, по зову, изъ отряда въ укрѣпленіе, вдвоемъ съ казакомъ. Ихъ также захватилъ на дорогѣ буранъ, они сбились съ пути и принуждены были ночевать въ чистомъ полѣ, между сугробами. Утромъ прїехалъ онъ, бѣднякъ, и насилиу здѣсь отогрѣлся. Верблюды наши послѣ послѣднихъ бурановъ отказались вовсе; ихъ я думаю всего на все не осталось одной тысячи; да и тѣ не походяты на живыхъ. Для перевозки изъ укрѣпленія

осталася одна надежда, — на казачьихъ лошадей. В. А. говорить, что можно раздѣлить верблюдовъ нашихъ (вмѣсто того что дѣлили ихъ доселѣ на годныхъ и негодныхъ) на такихъ, которые околѣваютъ по собственному усмотрѣнію и на свободѣ, и такихъ, которые околѣваютъ на службѣ государству. Я думаю можно раздѣлить ихъ просто на дохлыхъ и на издыхающихъ.

X.

8 Марта 1840. На Эмбѣ.

Всѣ письма Оренбургскія доказываютъ, что и тамъ даже не понимаютъ какъ должно настоящаго нашего положенія. Что же послѣ этого можно ожидать отъ Петербурга? Хвалять насъ за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолюбиемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность; но тутъ нельзя было не покориться необходимости. Выбору не было, противъ матиматической невозможности идти нельзя; а коли можно было сосчитать по

пальцамъ, что даже и наличное число верблюдовъ не подыметь необходимъйшаго продовольствія для пути, не говоря уже о неминуемой убыли ихъ во время самаго похода, когда, поднявшись въ обратный путь на Эмбу бросили до 3000 четвертей и множество другихъ тяжестей — лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало кошмы и пр.: то дѣло было, кажется, довольно очевидно. Хвалить за рѣшимость, за самоотверженіе, значить въ этомъ случаѣ допускать еще какую нибудь возможность идти впередъ, а ея не было... Утромъ и вечеромъ не менѣе 13° — 18° , а 4 Марта солнышко опять взошло самъ-третей; вскорѣ изъ побочныхъ солнцевъ образовались радужныя дуги и стояли почти до полудня. Мы стоимъ въ оврагѣ, на берегу Темира, закрыты, по видимому, отъ всѣхъ бурановъ; но окаянный поддувала не щадить насъ и здѣсь: на дняхъ были сильные, докучливые бураны. Изъ укрѣпленія почти все перевезено, послѣднихъ верблюдовъ переморили, досталось и лошадямъ, а между тѣмъ

перевозка эта была необходима. Бай–Мохаммедъ ушелъ съ тремя сотнями за верблюдами, къ Уджрайцамъ; сотъ шесть ожидаемъ отъ васъ, да коли Богъ милостивъ, то около тысячи останется живыхъ изъ нашихъ десяти тысячъ; тогда мы можемъ весною подняться и дней въ 20 дойдемъ до Оренбурга, или по крайней мѣрѣ до Илецкой. Дни тогда будутъ по длиннѣ и кормъ хорошій.....

Этимъ оканчиваются письма. Весна не по нашему быстро наступила, верблюды прибыли, отрядъ снялся по частямъ, поднявъ лишь путевые харчи и покинувъ все лишнее невольнымъ хозяевамъ своимъ, Киргизамъ; вся степь ярко зеленѣла избыtkомъ корма, лишь мѣстами бѣлѣлись песчаныя прогалины. Вода стояла еще всюду въ ложбинахъ, попадалась и дичь, и рыба. Уцѣлѣвшіе радостно встрѣтились съ семьями и друзьями своими, а принесшіе въ себѣ неисцѣлимую немочь цынги отправились помирать по больницамъ.....

В. ДАЛЬ